

газета, выпускаемая учеными и научными журналистами

ПРЕМИЯ «ПРОСВЕТИТЕЛЬ»: МУШКЕТЕРЫ 10 ЛЕТ СПУСТЯ

Основатель премии «Просветитель» Дмитрий Борисович Зимин: «Даю определение: русскоязычной научно-популярной литературой называются 10 длинных списков премии „Просветитель“, а особо хорошей – 10 коротких списков премии»

Наталья Демина

«В этом юбилейном сезоне на премии „Просветитель“ обязательно будут сюрпризы, но про них мы вам пока не расскажем», – весело подвел итоги первой пресс-конференции этого года сопредседатель оргкомитета премии Александр Гаврилов.

«Если посмотреть Google-тренд и кривые употреблений слов „Путин“ и „гомеопатия“, то вторая, естественно, была на порядки ниже первой, а после опубликования нашего меморандума обогнала кривую с Путиным. Но сейчас уже на спад пошла», – отметил в кулуарах Александр Панчин, новый член жюри «Просветителя», лауреат 2016 года. Ему пришлось выдержать основные битвы против гомеопатии в феврале. «А моему сыну пару раз гомеопатия помогла», – сказал еще один член жюри, научный руководитель Госархива РФ Сергей Мироненко. «А Вы уверены, что это не было обычной аллергией?» – спросил его Панчин, но что ему ответил историк, я не услышала. «Отличная выборка! Все мнения по острым вопросам представлены», – наверняка скажут читатели.

Между тем председатель жюри математический физик Алексей Семихатов, напустил на себя начальственную строгость, рассказывал генетику Екатерине Померанцевой, единственной даме в жюри, о том, что «если человек хороший, но ничего не читает, то мы его тут же с позором [из жюри] изгоняем». «Ведь мы берем ответственность за книги, как за детей», – продолжал он. «Это меня как раз не пугает», – отвечала ему Екатерина. – Меня больше пугает, что, когда ты выкраиваешь время на то, чтобы разбираться в судьбах выдуманных людей, ты его забираешь у судеб невыдуман-

ных людей. Я работаю с пациентами, изучаю их случаи, в том числе и дома. Когда я вечером прихожу домой и сажусь за компьютер, то всегда есть дилемма: инвестировать время в выдуманную историю или реальную, а реальных историй очень много».

На пресс-конференции члены жюри рассказали, каким они себе представляют идеальный научпоп. Биоинформатик Александр Панчин в качестве примера для подражания назвал книгу Роба Бразертон (Rob Brotherton) «Подозрительные умы: почему мы верим в конспирологические теории» («Suspicious Minds: Why We Believe Conspiracy Theories»): «Автор лаконично концентрирует накопленные научные знания, и делает это очень аккуратно с точки зрения научных фактов, но в то же время очень увлекательно и интересно. Мое представление об идеальном научпопе таково: это концентрат человеческого знания в хорошем изложении без существенных ошибок».

В свою очередь Екатерина Померанцева заметила, что «хорошая научно-популярная литература должна способствовать принятию читателями ряда правильных решений». Это и решение о выборе профессии, возможно научной, и разрешение жизненных ситуаций. «Если книга посвящена доказательной медицине, то она помогает людям принять решение относительно своего здоровья, основанное на фактах, а не на слухах и мифах. Научно-популярная литература помогает людям принимать решения с учетом научных представлений и научного метода», – считает она.

Лауреат премии «Просветитель» 2016 года, эксперт в области архитектуры Сергей Кавта-

радзе обратил внимание на умение авторов хороших научно-популярных книг «представить настоящую науку со всей ее сложностью как захватывающий детектив». «Всякая наука – это расследование. Мы чего-то не знаем, мы идем по следу, собираем доказательства и находим разгадку».

Историк Сергей Мироненко поддержал Екатерину Померанцеву в том, что хорошая научно-популярная литература главным образом нужна для выбора профессионального пути. «Я хорошо помню книгу выдающегося историка Валентина Лаврентьевича Янина „Я послал тебе бересту“ об археологических находках, сделанных в Новгороде... И во многом чтение этой книги увлекло меня на исторический факультет МГУ и определило мою жизнь». Сергей Владимирович посетовал, что «современная наука, к сожалению, говорит на птичьем языке, понятном только тем, кто непосредственно погружен в те или иные проблемы. Умение говорить ясно и понятно для всех – это тяжелая и трудная задача, поэтому так важно, чтобы было больше хороших научно-популярных книг».

Поэт и учитель математики Евгений Бунимович считает, что самая важная характеристика настоящей научно-популярной литературы состоит в том, чтобы «зацепить» не только тех, кто уже заинтересован в науке, но и тех, кто в школе не любил, например, математику и только сейчас, с помощью увлекательной книги, понял, насколько эта наука может быть интересной. Председатель жюри Алексей Семихатов согласился на 100% со всем сказанным

(Окончание на стр. 2)

В номере

Наука в сумасшедшем мире

Физик-теоретик Михаил Шифман выпустил серию книг о судьбах коллег в СССР и нацистской Германии – стр. 4–5

Математические прогулки

Академик РАН Юрий Апресян рассказывает о ярких страницах теоретической лингвистики – стр. 6–7

Je suis kawaii

Востоковед Александр Беляев рассуждает о феномене кавая – стр. 8

Саранча и важность мелочей

Страницы биографии легендарного энтомолога Бориса Уварова – стр. 9

Память

Ушли из жизни физик Людвиг Фаддеев и филолог Сергей Бочаров – стр. 10–11

Как изучают экономику футбола?

«Гамбургский счет» с аналитиком Дмитрием Дагаевым – стр. 12–13

Альцгеймер не дремлет

В развитых странах больных деменцией становится меньше, но по земному шару в целом невеселая статистика – стр. 15

Они не пашут

В конце января мы опубликовали заметку [1] о запросе Счетной палаты, полученном многими российскими институтами, и направили соответствующий запрос в Счетную палату. Мы получили ответ в виде пришедшего на электронную почту газеты файла с текстом без подписи (обратный адрес — press@ach.gov.ru). Полная версия ответа публикуется на нашем сайте [2], а здесь мы приведем лишь короткие выдержки из ответов на некоторые вопросы.

— Сколько таких запросов было отправлено?

— Запрос... направлен кругу организаций... (никаких численных данных не приведено).

— Каковы оценки рабочего времени, которое было затрачено в одном институте на то, чтобы ответить на запрос? Реально ли было подготовить ответ за два рабочих дня и чем была вызвана такая срочность?

— Осуществляется сбор фактических данных и информации, которыми организация — адресат финансирования обязана располагать... Направление такой информации... представляется возможным в установленные... сроки в случае надлежаще организованного учета и хранения информации, в том числе с применением электронных технологий... В запросе информации... были указаны контактные данные... для осуществления оперативной связи и уточнения (пояснения) возможных вопросов в части определения объема, формы предостав-

ляемых материалов и оптимального срока подготовки ответа с учетом даты получения запроса. (Никаких численных оценок нет.)

— Как планируется использовать полученные сведения, в частности копии табелей (п. 4 письма)?

— Полученные сведения будут проанализированы и... учтены при подготовке отчета о результатах контрольного мероприятия.

— Какова стоимость проведения этого аудита?

— В соответствии со статьей 41 Федерального закона № 41-ФЗ финансовое обеспечение деятельности Счетной палаты Российской Федерации, в том числе направленной на проведение контрольных мероприятий, осуществляется в пределах бюджетных ассигнований, ежегодно предусматриваемых на эти цели в федеральном законе о федеральном бюджете на очередной финансовый год и плановый период.

Если кто-то думает, что мы занимаемся выборочным цитированием, с тем чтобы выставить СП в неприглядном свете, — не полнитесь, проверьте по полной версии. Если же кому-то из читателей показалось, что его держат за идиота, редакция готова вступить в дальнейшую переписку с СП: предлагайте точные формулировки вопросов.

М. Г.

1. Мы не сеем, мы не пашем... ТрВ-Наука. № 221 от 31 января 2017 года.

2. URL — приложен файл Accountants-Response. <http://trv-science.ru/uploads/Accountqants-response.doc>

ПРОСВЕТИТЕЛЬ

Биолог Александр Панчин, генетик Екатерина Померанцева, искусствовед Сергей Кавтарадзе, историк Сергей Мироненко

(Окончание. Начало на стр. 1)

его коллегами по высокому ареопагу. «Это не значит, что у нас и дальше в жюри будет такое единодушие, но в данном случае я согласен с каждым».

Но пожалуй, самый гордый и дерзкий ответ на вопрос, заданный Александром Гавриловым, дал основатель «Просветителя» Дмитрий Борисович Зимин. «Мой ответ будет значительно более исчерпывающим, чем вам говорили многоуважаемые члены жюри. Даю определение: русскоязычной научно-популярной литературой называются 10 длинных списков премии «Просветитель», а особо хорошей — 10 коротких списков премии». А на вопрос, что стало главным результатом работы премии за это десятилетие, он сказал: «Мне интересно жить!»

Пресс-конференция, состоявшаяся 1 марта в московском кафе «Март», дала старт приему заявок на десятый, юбилейный год премии. Книжки можно отправлять на конкурс до 15 мая 2017 года (все подробности см. на сайте premiarprosvetitel.ru/soisk). Длинный список юбилейного года будет представлен общественности не позднее 30 июня. Короткий

Омбудсмен Евгений Бунимович, физик Алексей Семихатов

список по гуманитарной и естественно-научным номинациям станет известен 4 октября 2017 года.

Объявлению лауреатов премии будет предшествовать фестиваль премии «Просветитель», который пройдет в нескольких городах России. В частности, в партнерстве с «Ельцин-центром» запланирована большая фестивальная программа в Екатеринбурге. А имена авторов двух лучших книг станут известны на торжественной церемонии награждения 16 ноября 2017 года. Денежное вознагра-

ждение двух победителей составит 700 тыс. руб. Финалисты, попавшие в короткий список, получат по 100 тыс. руб. Издателей книг лауреатов награждают денежным сертификатом достоинством в 130 тыс. руб. на продвижение книг на рынке.

См. также видеозапись пресс-конференции: www.youtube.com/watch?v=MSI_Y4FMVRO

Фото пресс-службы премии «Просветитель»

Школа гниет с головы

Юлия Галямина,
канд. филол. наук,
науч. сотр. МГУ им. М. В. Ломоносова

Лингвист и политик (кандидат от партии «Яблоко» в Госдуму-2016) Юлия Галямина размышляет о фальшивых диссертациях директоров школ и колледжей в России.

Уже бывший директор ГБОУ города Москвы «Школа № 1078» Екатерина Николаевна Маньковская пишет в своей кандидатской диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук: «Критериями социализации являются: представление целостной картины мира, приобретение знаний и умений социальных отношений для функционирования в социуме, сформированности ценностных представлений, умение делать нравственный выбор, способность определить мотив поведения, наличие относительно целостной „Я-концепции“, творческий подход к деятельности, навыки распределения и организации деятельности, адекватная оценка и анализ собственной деятельности, характер совместной деятельности». С этими словами нельзя было бы не согласиться, если бы не одно «но». По данным вольного сетевого сообщества Диссернет, свою диссертацию Екатерина Николаевна попросту списала. В тексте нет ни одной страницы, которая была бы написана автором самостоятельно. Комментарий Диссернета безжалостен: «Идеальный случай: ни убавить ни прибавить. Младшим школьникам за такое старательное переписывание ставят отличные оценки» [1].

Сразу хочется задать вопрос, что там у самого автора с его собственной социализацией: с целостностью картины мира, с умением функционировать в социуме, с навыками организации деятельности, а главное — с ценностными представлениями, умением делать нравственный выбор и способностью определить мотивы своего поведения. Или же госпожа Маньковская еще не определилась с «Я-концепцией» и не может отделить собственное творчество от творчества коллег, которые защитили свои диссертации за несколько лет и месяцев до нее...

Некорректные заимствования в диссертационных работах директоров школ и колледжей, к сожалению, явление не уникальное. Диссернету удалось выявить 23 подобных случая (из 141 проверенной диссертации, см. коллекцию «Школьные годы» на сайте Диссернета [2]). И это только в Москве. Впрочем, Москву вполне можно было бы назвать столицей плагиата. О причинах желания московских директоров иметь на полочке диплом о присуждении ученой степени можно только догадываться, но, как полагают один из основателей Диссернета физик Андрей Ростовцев, «в среднем среди московских школьных директоров немного больше „карьеристов“, чем вдали от столицы». Символическая ценность ученой степени намного выше, чем материальная, — прибавки за кандидатскую ничтожно малы на фоне неимоверно раздутых директорских зарплат. По словам Ростовцева, карьеристов привлекают именно символические ценности — они дают ощущение восхождения по этой невидимой лестнице, которая тоже является одним из видов социализации.

То, что в нашем обществе возможен столь массовый обман со стороны людей, которые отвечают за воспитание будущих поколений, ничего хорошего нам не сулит. Самое печальное — отсутствие сколь-нибудь сильной реакции со стороны как родительской, так и учительской общественности на обнародованную информацию о подозрениях в плагиате. Многие родители таких директоров защищают: мол, какая разница, что диссертация списана или попросту фальсифицирована (как это было с директором школы № 1409 Ириной Ильичёвой, которая попросту пользовалась подложным документом о присуждении ученой степени). Главное, чтобы директор был хороший — мог для школы выбивать дополнительное финансирование и достигать хороших позиций в рейтинге.

Отсутствие «сформированных ценностных представлений» — это главная беда нынешнего российского общества. И эта ценностная дезориентация передается из поколения в поколение. Если можно списать на контрольной в школе, значит, можно списать и диссертацию. И наоборот. Сегодня, по мнению специалистов по управлению образованием, одна из серьезных причин снижения качества образования — это повсеместное списывание. Списывают не только школьники и директора. Списывают учителя, методисты, завучи. Рассказывают, что, когда в одну школу пришел новый продвинувший директор и предложил учителям письменно ответить на ряд вопросов, они начали яростно скатывать ответы друг у друга.

Отсутствует и какая-либо официальная реакция. Ни Департамент образования Москвы, ни Министерство образования России вопросом директоров с сомнительными диссертациями не заинтересовались и никакой публичной реакцией не озаботились. Их эта ситуация, по-видимому, тоже не смущает. А зря.

Ведь если списывание в обществе не осуждается, а передается из поколения в поколение, то легитимизируется и другой обман, процветает нравственный релятивизм. Главное — успех, карьерный рост и хорошие оценки, а о методах мы порассуждаем в своих списанных «научных» трудах. Лицемерие и ложь? Ну и что, бывает...

1. www.dissernet.org/expertise/mankovskajaen2006.htm
2. www.dissernet.org/expertise/tag/direktor-shkoly

От редакции. Эта статья была сначала направлена в профильную «Учительскую газету», однако никакого ответа автору получить не удалось. Редакция ТрВ-Наука заблаговременно направила запрос с просьбой о комментарии руководителю Департамента образования Москвы Исааку Иосифовичу Калине, но никакой реакции также не последовало.

Третья четверть XX века — своего рода золотой век науки и культуры, который не обошел стороной и Россию. В том числе это было время подъема научной фантастики. Потом наступила условная эпоха потребления со своим условным постмодернизмом, и научная фантастика поблекла вместе с интересом к науке. Сейчас намечилось нечто вроде возрождения: наука снова популярна, просветительские книги продаются приличными тиражами (в том числе и в России), агрессивная апологетика потребления уже не в моде. Вроде наелись. Яркий пример перемен в восприятии: зонд «Новые горизонты» (основные результаты 2015 года) вызвал куда более высокую и шумную волну внимания и массового восторга, чем намного более важная и информативная миссия «Вояджер» (самые яркие результаты 1979–1989 годов). Речь идет о восприятии науки — сама по себе она всё это время развивалась более-менее равномерно.

А как обстоят дела с научной фантастикой? Испытывает ли она хоть какой-то подъем? Казалось бы, она как-то связана с восприятием науки, пускай и косвенно. В мире появляются новые хорошие авторы — их читают. Казалось бы, и у нас она должна тоже как-то подтянуться, и вместо бесчисленных средневековых фэнтези и державно озабоченных «попаданцев» должна подняться из руин нормальная научная фантастика. Но что-то не видать.

Чтобы разобраться в том, что и почему происходит (или не происходит) в данной сфере, мы решили провести круглый стол на тему российской НФ (изначально идея предложена Наталией Деминой). Мы — это газета «Троицкий вариант — наука», журнал «Химия и жизнь» и просветительский центр «Архэ». В ведущие определили зам. главного редактора «ХиЖ» Елену Клещенко, я вызвался следить за регламентом и наступать на горло особо затянувшейся песне. От ТрВ-Наука также участвовал Максим Борисов, в свое время многократно публиковавший критику НФ в «Литературной газете». В качестве участников были приглашены критик Василий Владимировский, палеонтолог и писатель Кирилл Еськов, писатель-фантаст, знаток истории космонавтики Антон Первушин. Четкого принципа отбора не было — перечисленные выше первыми пришли в голову. Список вопросов к рассмотрению был составлен коллективно и выглядел следующим образом.

1. Что происходит с НФ в России и в мире? Какие существуют виды фантастики и какие из них имеют отношение к НФ?

2. Есть ли в обществе потенциальный спрос на НФ? Если да, то на какую? Среди какой категории читателей?

3. Как соотносятся просветительство, популяризация науки с научной фантастикой? Что общего, в чем разница?

4. Какая компонента важнее в научной фантастике — литературная (художественная) или просветительская? Насколько они конфликтуют друг с другом?

5. Зачем ученые и инженеры пишут фантастику и кто вообще ее «должен» писать согласно профессии и навыкам?

6. Что могла бы дать обществу НФ, существуй она как явление?

7. Как можно организовать «просветительство через НФ»? Насколько важно жанровое отделение от разных видов фэнтези?

См. видеозапись круглого стола: www.youtube.com/watch?v=1otT633d85o; стенограмма: <http://trv-science.ru/sci-fi>

Первым выступил Василий Владимировский — ему на откуп был отдан первый вопрос. Предполагалось,

Научная фантастика в России: жив ли мавр?

Борис Штерн

Максим Борисов, Василий Владимировский и Борис Штерн. Фото Н. Деминой

что он всю фантастику разложит по полочкам, но оказалось, что она не раскладывается и что за сто лет никому не удалось дать общепринятого определения НФ. На провокационный вопрос ведущей — можно ли отнести к НФ «Звездные войны», критик, поколебавшись, ответил утвердительно. И социальную фантастику, утопии и антиутопии — можно. Однако позже Кирилл Еськов охарактеризовал «Звездные войны» как чистое средневековое фэнтези, где рыцарей переодели из панцирей в скафандры.

Тот же Кирилл Еськов все-таки дал некое определение научной фантастики, которое показалось мне вполне вразумительным (цитирую близко к тексту стенограммы):

«Это литературное направление, которое изучает индивидуальные и коллективные психологические и социальные явления, которые возникают при столкновении человека с неизвестными технологиями или явлениями природы. Философия научной фантастики — позитивизм. По определению в жанре отсутствуют потусторонние силы — мир не познан, но познаваем. Отсюда научная фантастика — литература социального оптимизма (не путать оптимизм с хеппи-эндами)».

Далее мне проще осветить цельную позицию каждого из участников относительно нашей НФ, чем перечислять ответы на вопросы, тем более что полная стенограмма опубликована. Позиции даны не полностью, но, надеюсь, выражены адекватно. Если что-то неправильно понял, приношу нижеперечисленным ораторам свои извинения.

Позиция Василия Владимировского

Наука в фантастике нужна только для того, чтобы высветить героя; если она формирует среду, в которой живет герой, — только так и не иначе. Фантасты золотого века Азимов, Хайнлайн, Кларк и иже с ними, с точки зрения современных филологов и писателей, — нечто вроде Ломоносова для современных ученых: да, отцы-основатели, да, харизматические люди, но — жуткая архаика. Если посмотреть, кто на кого ссылается, кто на кого повлиял, то там сплошь будут фантасты «новой волны». Фантастов золотого века вы там не найдете. Литература в фантастике начинается с «новой волны».

Это совершенно другие авторы, с другим образованием и другими целями. Наши фантасты в первую очередь фантасты и лишь во вторую литераторы — не следят за литературным процессом, за тем, что происходит за пределами их замкнутого мира. Поэтому единственная надежда — дожидаться, когда это поколение вымрет (примерно десять разнообразных авторов НФ, сидящих в зале, тихонько икнули), и, может быть, наши дети начнут писать нормальную фантастику.

Позиция Кирилла Еськова

Время научной фантастики прошло. Мы в молодости зачитывались Азимовым и Кларком, эта литература выполняла свою роль — звать молодежь во втузы. Сейчас есть просветительские порталы — заходишь на «Элементы.ру» и оттуда можешь выйти на любую научно-популярную информацию. Есть прекрасные бибисишные сериалы. И зачем нужен гибрид в виде НФ? С одной стороны, там и наука никакая, с другой — и литература убогая. (Короче, мавр сделал свое дело, мавр может умереть. — Б.Ш.). Что касается нашей страны... Мы живем в стране, где население уже четверть века боится будущего и на уровень спинного мозга боится изменений, — какая тут научная фантастика? Это ведь не просто с помощью башен-излучателей внедряют в мозги — это запрос общества. В таких условиях было бы удивительно, если бы существовал спрос на НФ. А тот маргинальный спрос, что существует, прекрасно удовлетворяется зарубежной фантастикой.

Позиция Антона Первушина

Фантастика несет в себе важную вещь — философию. В том числе философию науки. Всё, что выдает наука, сначала перерабатывается научной фантастикой, потом это идет дальше — в культуру. Научная фантастика помогает взглянуть на себя и на общество сверху — на наши фобии, архаичные стремления, которые нас одолевают, на мироточащие иконы и бюсты. Она позволяет взглянуть на это сверху и понять, какая это всё

ерунда. Не любая литература и не любая фантастика могут это сделать — та же фэнтези, наоборот, погружает нас в средневековье.

Елена Клещенко вместо формулирования собственной позиции задавала участникам провокационные или ехидные вопросы, приводила контр-примеры, как и подобает ведущему.

Я очень кратко описал позицию Антона и совсем не упомянул про позицию Максима Борисова, поскольку они в целом совпадают с моей, к которой и перехожу. Будучи блюстителем регламента, я был вынужден наступать на горло собственной песне в первую очередь, поэтому сказал довольно мало (благодаря чему осталось достаточно времени на свободную дискуссию). Зато теперь могу развернуться. Прежде всего пара общих замечаний. Каждый из высказавшихся в чем-то прав, но жизнь никогда не укладывается в рамки любого компактного высказывания. Причем, чем высказывание категоричней, тем уже зона, где оно адекватно. То же самое относится и к моей точке зрения, но важно представить разнонаправленные взгляды.

Второе замечание — насчет фантастов «новой волны». Первая моя реакция на высказывание Василия Владимировского про золотой век и «новую волну» выражалась примерно так: «Ага, опять скинем классиков с парохода современности...» И уже дома, когда залез в Сеть, осознал, что основные классики как раз и относятся к «новой волне». Зачинал ее Брэдли, по времени (1960-е) с ней совпали Воннегут (не знаю, относят ли его к научным фантастам, но его лед-девять в «Колыбели для кошки» с точки зрения науки куда элегантней, чем типичные конструкции современных фантастов), Лем, Стругацкие. Уж не знаю, кого куда относят фантастоведы, но это именно те писатели, которые были способны на сильные высказывания, пробуждающие чувства и меняющие менталитет. Современные фантасты пока

не имеют и десятой доли человеческой мощи вышеперечисленных. Это мое впечатление, не обязательно справедливое.

Теперь вернемся к нашим баранам. У фантастики есть просветительский потенциал, но это скорее побочный продукт. Как упомянул Максим, я использовал вымышленных жителей подледного океана Европы для демонстрации логики и мощи научного исследования. Но они внезапно ожили сами по себе и стали выражать больше, чем я изначально предполагал, — так популяризация науки может подпитывать фантастику. И наоборот: задумав фантастическую коллизию, автор должен проработать и изложить научную часть так, чтобы это не выглядело развесистой клюквой, — подобно тому как автору деревенской прозы приходится живописать крестьянский быт. Так научная фантастика может играть просветительскую роль. Но это — побочное прикладное значение.

Фундаментальная роль выражается определением, озвученным Кириллом Еськовым (считаю, что эта роль уже отыграна). Повторим кратко.

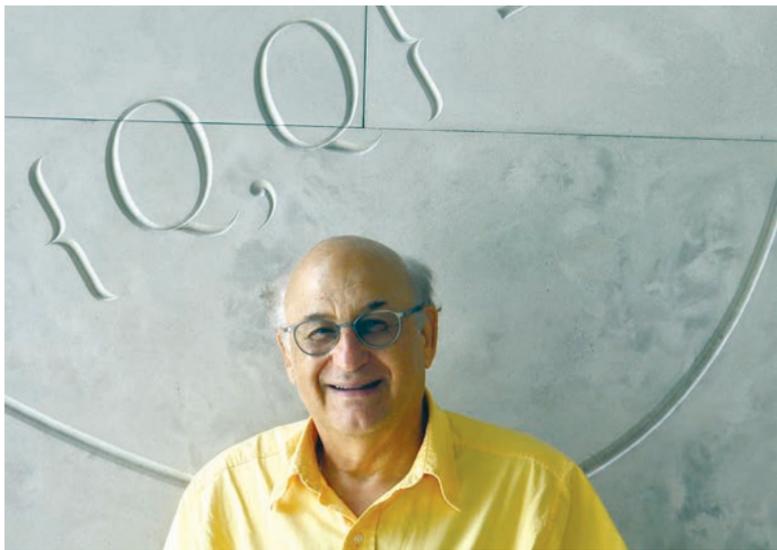
Философия научной фантастики — позитивизм. Мир не познан, но познаваем. НФ — литература социального оптимизма.

(Сидевший рядом со мной Василий Владимировский сказал мимо микрофона, что подобное говорил Хайнлайн.)

По-моему, это то, что доктор прописал именно сейчас, когда народ пытаются убедить в том, что истины не существует, о

будущем думать не стоит, что наук — лишь один из мифов, что весь мир — враги, а у нас особый путь. Речь идет не об информации, а о духе научной фантастики, о мировоззрении, о воодушевлении, о просветлении, о противостоянии средневековому менталитету. Фантастика может сделать в этом отношении больше, чем просветительство, благодаря большему эмоциональному потенциалу и больше, чем мейнстримная литература, благодаря ярко выраженному позитивизму. Если говорить о России, то мавр не закончил своего дела и умереть ему еще рано. На круглом столе двое слушателей выступили с одинаковыми комментариями: мы ждем от фантастики моделирования будущего, и нам это важно. Василий Владимировский ответил, что Владимир Сорокин уже описал будущее во всех красках. Это вызвало оживление в зале, но и робкое несогласие. Неужели осталось накрыться белыми простынями и медленно ползти в будущее Сорокина?

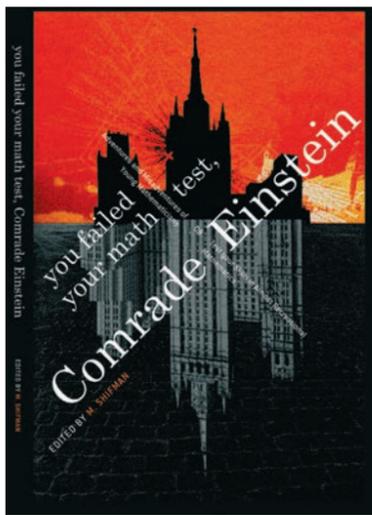
Но жив ли пациент? Думаю, что, пока существуют энтузиасты типа Антона Первушина, Елены Клещенко или, например, Андрея Чертова, предмет их энтузиазма жив по определению, даже если находится в коме. Что мы можем сделать, чтобы реанимировать настоящую фантастику? Конечно, заклинаниями ее не оживишь. Но хотя бы привлечь внимание. Для того и затеяли круглый стол, для того и эта статья и последующие, если у кого есть запал продолжить полемику, а возможно, и новые круглые столы. Еще мы, наверное, можем, скооперировавшись, облегчить путь научной фантастики из компьютера автора на стол читателя. Можно попробовать сделать так, чтобы набирающее силу просветительство взяло научную фантастику на буксир. Это уже предмет для отдельного разговора. Этого мало, наши возможности невелики, но капля камень точит. ♦

Михаил Шифман на конференции по топологии калибровочный полей в Саймоновском центре в Стоуни-Брук, 2015 год, на фоне супералгебры Гольфанда

— Вы автор нескольких научно-популярных книг. Какова история их появления?

— Я редко пишу книги, обычно лишь статью или главу. На то, чтобы одному написать целую книжку, у меня времени не хватает. Но я готовлю сборники воспоминаний — к которым пишу либо главу, либо расширенное введение, страниц на 80–100, — в которых собираю новые данные и факты, привожу либо свою точку зрения, либо свои воспоминания. Плюс привлекаю к работе своих коллег.

Первая книга такого рода вышла в 2005 году, она называлась «Вы только что завалили экзамен по математике, товарищ Эйнштейн» («You Failed Your Math Test, Comrade Einstein: Adventures and Misadventures of Young Mathematicians or Test Your Skills in Almost Recreational Mathematics») [1].

— Как появилась идея этой книги?

— Это произошло случайно. Из Франции приехал мой хороший друг Григорий Корчемский. Он тогда работал в Орсе, а потом перебрался в Сакле, всё это рядом. И там же работал канадский математик Илон Варди, которому на гла-

за попались четыре-пять задач, которые были даны абитуриентам — кандидатам на «завал» — на приемных экзаменах на мехмате МГУ. Они были опубликованы в журнале *Mathematical Intelligencer*. Математики Александр Шень и Анатолий Вершик опубликовали там же две короткие заметки и привели краткие комментарии [2]. В основном там были только задачи.

Задачи были сложные, Илон Варди принялся их решать. Пока он ехал на электричке из Парижа в Сакле, он решал эти задачи. Постепенно он насобирав больше задач. Уже не помню сейчас, откуда он их брал. В общем, он сделал сборник задач с решениями (абитуриенты называли такие задачи «гробами»). А для того чтобы как-то оттенить ситуацию, сделал второй препринт, содержащий задачи с международной олимпиады, тоже с решениями.

Идея состояла в том, что те задачи, которые давались нежелательным абитуриентам на вступительных экзаменах в советские университеты, были либо такого же уровня, либо сложнее задач с международных олимпиад. Я прочел эти два препринта, посмотрел на задачи, все их я решать не стал, потому что для этого нужно было очень много времени. Некоторые я решил с грехом пополам, некоторые видно было, что решаются, но для этого нужно много времени...

В общем, меня эта история задела — я вспомнил все такие истории, как моих друзей заваливали при приеме в вузы, и решил сделать книгу. Для нее я написал введение, связался с людьми, которые были погружены в тему, и набрал много интересных материалов.

Мне рассказали и про то, о чем я не знал: что в конце 1970-х в Москве существовала «подпольная» математическая школа («народный университет») для тех, кого не приняли в хорошие институты — МГУ, Физтех и другие, — для тех, кто хотел учиться математике дальше. Эту школу организовала Белла Абрамовна Субботов-

Физик Михаил Шифман: «Меня интересует не абстрактная история, а судьбы людей»

Российско-американский физик-теоретик **Михаил Шифман**, профессор Университета штата Миннесота (США), лауреат премии Дирака, рассказал **Наталии Деминой** о научно-популярных книгах, которые он выпустил за последние десятилетия.

ская (1938–1982). Будучи профессиональным математиком, она пошла в школу, чтобы учить детей математике на высоком уровне. И организовала эти «курсы», которые проходили либо по вечерам, либо по воскресеньям — то в домах культуры, то у кого-то на квартире. И там было много евреев, естественно, кого еще из сильных людей тогда «отшивали». Это привлекло внимание КГБ.

Б. А. Субботовская (1938–1982), математик, организатор подпольного «еврейского народного университета» в Москве. Фото с сайта www.ejwiki.org/wiki

Эту школу разогнали так: Белла Субботовская, на которой всё держалось, погибла. Слухи ходят, что ее нарочно сбили машиной. Это произошло но-

Б. И. Каневский (р. 1945), математик, активист еврейского движения в СССР. В настоящее время работает в Еврейском университете в Иерусалиме. Фото с сайта www.ejwiki.org/wiki

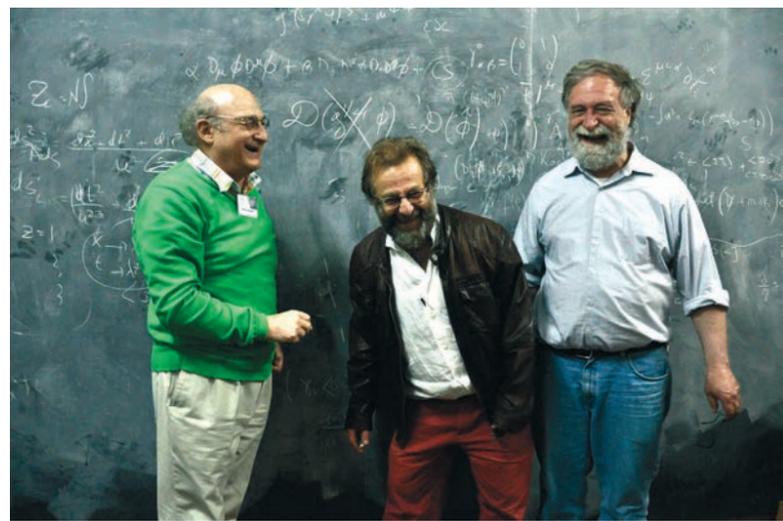
чью на совершенно безлюдной улице, где ездят редко. Никто это не расследовал. На похоронах речи были запрещены. После этого, конечно, школа

В. А. Сендеров (1945–2014), математик, педагог, публицист, правозащитник, политзаключенный. Фото из блога <http://traveller2.livejournal.com/>

развалилась, потому что всё держалось на ней. Несколько лет назад в Технионе (Израильский технологический институт в Хайфе. — *Ред.*) прошла мемориальная конференция памяти Субботовской.

Валерий Сендеров и Борис Каневский в 1980 году опубликовали небольшое эссе «Интеллектуальный геноцид» и перепечатали его в

Михаил Шифман, Фидель Шапошник и Эдуардо Фрадкин. Конференция в Ла-Плате, апрель 2013 года

10 или 15 экземплярах на пишущей машинке [4]. В этом эссе вообще не было никаких политических оценок или утверждений, выходящих за рамки математики. Там были задачи, которые они собирали у заваленных абитуриентов МГУ. Они собрали 30–40 задач, с датой экзамена и фамилией экзаменатора. Несколько задач такого типа было с Физтеха.

В их статье была и пара советов о том, как с этим можно пытаться бороться. Никаких политических коннотаций там не было, но их арестовали в 1982 году. Валерий Сендеров провел пять лет в тюрьме и был освобожден досрочно только в 1987 году при Горбачёве. Он умер в 2014 году [5]. Борис Каневский отсидел три года. Сейчас он работает в Иерусалиме.

Когда-то, когда я работал над этой книгой, я разыскал в Москве Валерия Сендера, мы с ним долго беседовали, он мне рассказывал, как детей заваливали на экзаменах. Это всё дела 1980-х годов, но я обнаружил, что нигде в Интернете текста этого эссе нет. На него много ссылаются, но текста нет. Более того, когда я пришел к Сендерову, он сказал, что у него тоже нет полного текста. Все его бумаги КГБ забрал при обыске.

Эссе мне все-таки удалось найти. В венгерском Центрально-европейском университете есть архив восточно-европейских документов. И еще такой архив есть в университете Бремена в Германии. Я написал в десять разных архивов, и только эти два архива мне ответили. Они прислали очень плохо читаемые копии, сделанные, наверное, уже с пятой копии. Эти копии были неполные, но, к счастью, неполными они были по-разному. Позднее архив общества «Мемориал» прислал мне кое-какие дополнительные документы на эту тему.

Соединив две копии статьи Каневского и Сендера, мне удалось разгадать полный текст, я перевел его на английский язык и включил в книгу про «товарища Эйнштейна». Не знаю, опубликован ли он даже сейчас, 11 лет спустя. Такой была моя первая книга.

Я очень рад, что в недавно вышедшей книге «Любовь и математика» знаменитого американского математика Эдуарда Френкеля, который в свое время поступал на мехмат МГУ и прошел

через эту мясорубку, есть глава с живыми воспоминаниями о том, как его заваливали (см. также [6]).

Потом прошло несколько лет, и — опять-таки, совершенно случайно! — мне в руки попала рукопись воспоминаний вдовы Феликса Березина Елены Григорьевны Карпель. Феликса, во-первых, я знал лично, я слушал его выступления в ИТЭФе. Во-вторых, он близок моему сердцу тем, что он был зачинателем суперматематики в мире. Все суперсимметричные теории в физике опираются на его суперматематику.

Ф. А. Березин (1931–1980), математик и физик-теоретик. Фото из архива вдовы, Елены Карпель

Он разработал специальное интегральное исчисление. Интеграл по комплексному грассмановым числам во всем мире называется «интегралом Березина». Судьба его тоже сложилась «не очень». В конце концов ему удалось попасть на кафедру высшей математики МГУ, но ни на какие конференции его не пускали, там он работал в изоляции. И потом в походе то ли на Камчатке, то ли в Магаданской области таинственно утонул или погиб, не знаю. Сама Елена толком не знает.

Официальная версия — плот перевернулся. Все, кто на нем был, выплыли, а он погиб. Судя по воспоминаниям Карпель, она с недоверием относится к этой версии, но мне трудно судить. Ее воспоминания очень трогательно написаны, просто за душу берут, и у нее отличное перо, хотя по профессии она медик. И тут я решил, что надо сделать сборник про Феликса Березина (1931–1980).

Я созвонился с Еленой, которая в тот момент жила во Франции, и она очень загорелась этой идеей. ►

Михаил Шифман с женой, Арбат, 2013 год. Фото Е. Ростуновой

▶ Хотя прошло уже около 30 лет, она чтит память о муже, жила воспоминаниями о нем. И она стала мне всячески помогать — связала с друзьями Березина. Я перевел ее воспоминания, друзья Березина тоже

того, что происходит на звездах. Это было в самом начале 1930-х годов, когда только-только Георгием Гамовым был предсказан и рассчитан туннельный эффект. Их расчет был довольно примитивным, позднее его

лучшую по тем временам в мире лабораторию. И первые несколько лет ему это удавалось. Туда приехал Лев Ландау, из Ленинграда приехали несколько очень сильных физиков. Он пригласил еще несколько сильных исследователей с Запада. Время как раз было подходящее — 1933 год, все коммунисты и еврей-физики бежали из Германии и Австрии, работать им было негде. Их можно было пригласить в СССР за недорого. Первым, еще в 1931 году, приехал австрийский коммунист Александр Вайсберг. Его назначили директором строительства опытной станции глубокого охлаждения. Таких станций в мире тогда не было.

Вайсберг был очень толковым техническим физиком. Перед тем как Лейпунский поехал в Англию, он посоветовал присмотреться в Хоутермансу. Лейпунский присмотрелся — и пригласил Хоутерманса в СССР. Фридрих Хоутерманс в начале 1935 года, и первые два года всё шло замечательно, он стал делать эксперименты, зани-

Виктор Френкель написал о Хоутермансе небольшую книгу. И мне она очень понравилась, я прочел ее за один вечер. Я решил: если она такая интересная, то почему о ней никто не знает? Единственное, что было тогда в английской литературе на эту тему, — маленькая заметка в 5-6 страниц в журнале *Physics Today*, которую написал Иосиф Хриплович [11]. Я проверил — больше в английской литературе ничего не было.

И я взялся за это дело. Книга называется «Физика в сумасшедшем мире» (*Physics in a Mad World*), там опубликован перевод книги Френкеля на английский и еще много чего. Я обращался в разные архивы, и мне удалось добыть довольно много документов, которых еще не было в открытом доступе, когда В. Френкель писал свою прекрасную книгу. И много фотографий.

Что мне еще помогло? Совершенно случайно оказалось, что жена Хоутерманса умерла совсем недавно, а

Оппенгеймера туда входили Альберт Эйнштейн, Джеймс Франк, Вольфганг Паули, Георгий Гамов и многие другие. Переписка Паули и Шарлотты сохранилась и будет опубликована в моей книге. Историкам науки об этой переписке ничего не известно.

— Получается, что Вы еще и историк науки!

— Меня не интересует абстрактная история науки. Меня интересует судьбы людей, про которых я либо знаю по научным результатам, либо знаю их лично. Скажем, вторая часть книги «Физика в сумасшедшем мире» — это рассказ про физика-теоретика Юрия Гольфанда, который в начале 1970-х вместе со своим аспирантом Евгением Лихтманом открыл суперсимметрию и был незаслуженно забыт.

1. You failed your math test, Comrade Einstein. Adventures and Misadventures of Young Mathematicians. Edited by M. Shifman www.ftpi.umn.edu/shifman/ComradeEinstein.pdf

2. Vershik A., Shen A. The Mathematical Intelligencer. 1994. 16:4. doi:10.1007/BF03024695. www.liv.polytechnique.fr/Labo/Ilan.Vardi/mekh-mat.html (список задач И. Варди). Со статьями в The Mathematical Intelligencer можно ознакомиться по ссылкам: Shen A. Entrance Examinations to the Mekh-mat, <http://www.3038.org/press/shen.pdf>; Vershik A. Admission to the Mathematics Faculty in Russia in the 1970s and 1980s, <http://www.3038.org/press/vershik.pdf>

3. Статьи о нем в нашей газете: Сендеров — борец с интеллектуальным геноцидом // ТрВ-Наука. № 119 от 25 декабря 2012 года. <http://trv-science.ru/2012/12/25/senderov-borec-s-intellektualnym-genocidom/>; «В его изложении математика была необыкновенно привлекательной» // ТрВ-Наука. № 119 от 18 ноября 2014 года. <http://trv-science.ru/2014/11/18/valeriy-senderov>

4. Каневский Б. А., Сендеров В. А. Интеллектуальный геноцид. Экзамены для евреев: МГУ, МФТИ, МИФИ. М., 1980. www1.osu.cz/~zusmanovich/links/files/senderov/ig-text.pdf

5. Интервью Н. Деминой с В. Сендеровым, включая видеозапись: http://polit.ru/article/2014/12/23/senderov_memory/

6. См. свежую аналитическую статью на тему заваливания на вступительных экзаменах: <https://newtonew.com/discussions/evreimatematiki-v-sssr>

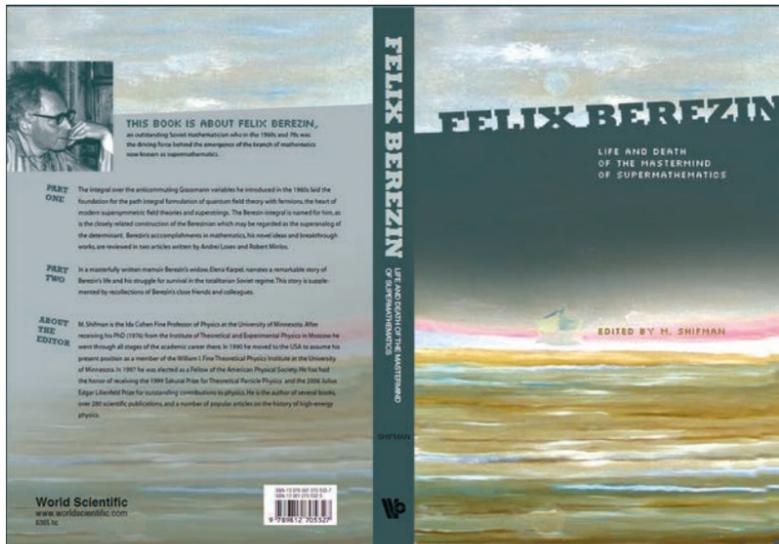
7. Воспоминания о Феликсе Александровиче Березине, основоположнике суперматематики. / Сост. Е. Г. Карпель и Р. А. Минлос; ред. Д. А. Лейтес и И. В. Тютин. <http://www2.math.su.se/~mleites/books/2009-vospominaniya.pdf>

8. Горелик Г. Е., Френкель В. Я. Матвей Петрович Бронштейн. М. Наука, 1990. <http://busessa.ru/book/69166.html>

9. Френкель В. Я. Профессор Фридрих Хоутерманс: работы, жизнь, судьба. СПб.: Издательство ПИИФ РАН, 1997. www.ihst.ru/projects/sohist/books/houtermans.pdf

10. См. также www.eduspb.com/public/books/byograf/houtermans.pdf

11. Khrilovich I. V. The Eventful Life of Fritz Houtermans // *Physics Today*. 1992. Vol. 45. Is. 7, 29-37. <http://physicstoday.scitation.org/doi/abs/10.1063/1.881313>

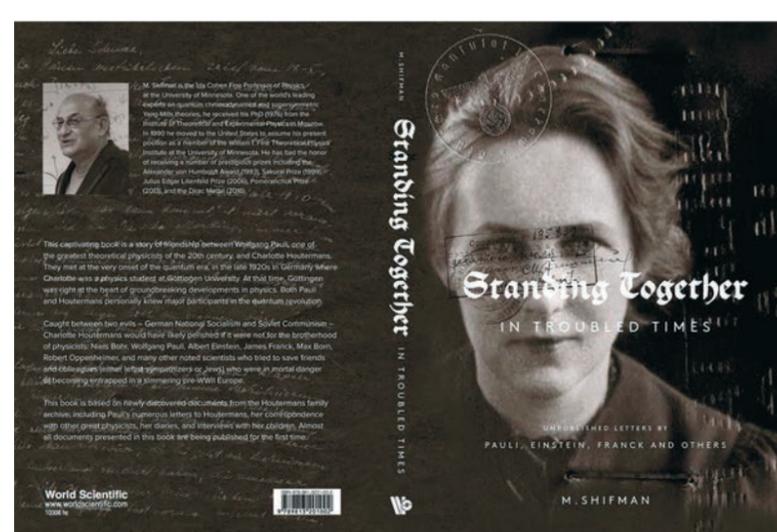
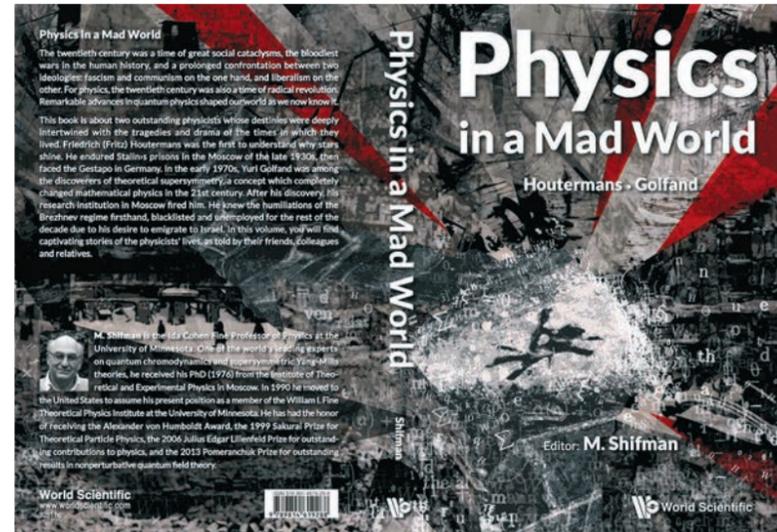
написали. Один художник делал небольшие графические иллюстрации. Таким был мой второй сборник, под названием «Жизнь и смерть „изобретателя суперматематики“» (расширенная и дополненная версия книги на русском языке с предисловием М. Шифмана вышла в изд-ве МНЦМО в 2009 году [7]. — *Ред.*)

А совсем недавно я издал еще одну книгу, идея которой пришла ко мне так же случайно. К ней я написал предисловие в 100 страниц. Довольно много работал в архивах, особенно летом, когда я был в Германии. А получилось это так: мне привезли из Санкт-Петербурга брошюру, изданную в Институте ядерной физики в Петербурге, которую написал Виктор Френкель, сын знаменитого физика 1930-х годов Якова Френкеля. Виктор — профессиональный историк науки. Он много писал и про своего отца, он написал с Геннадием Гореликом книгу про Матвея Бронштейна [8]. Но книга, которую мне привезли, была издана очень небольшим тиражом типографией института, называлась она «Профессор Фридрих Хоутерманс: работы, жизнь, судьба» [9–10].

сильно усовершенствовал Ханс Бете (Hans Albrecht Bethe), лауреат Нобелевской премии по физике 1967 года, но они были первыми.

Кстати, Хоутерманс с Гамовым были друзьями; Фридрих учился в самом сердце зарождающегося «квантового мира» — в Гёттингене. Он был коммунистом — в те годы коммунистическая идея была очень популярна в среде западной интеллигенции. Он стал коммунистом еще в Австрии, где родился, был членом компартии Австрии, а переехав в Германию, стал членом компартии Германии в 1926 году. Про это мне удалось узнать немного больше, с помощью Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), находящегося в Москве. Там хранятся документы Коминтерна, среди которых я нашел справку о «спецзаданиях» Коминтерна, которые выполнял Хоутерманс.

После прихода Гитлера к власти Хоутерманс понял, что ему срочно надо бежать из страны. Потому что он был таким активным коммунистом, что его бы тут же арестовали. Сначала он с семьей перебрался в Англию. Там ему работать не очень нравилось, а тут

Ф. Хоутерманс (1903–1966), специалист по ядерной физике и космохимии. Фото <http://webpaper.nzz.ch/>

О немецком физике Хоутермансе (Friedrich Georg «Fritz» Houtermans, 1903–1966. — *Ред.*) я знал, во-первых, по науке: он был первым, кто предположил, что звезды светятся потому, что на них происходит термоядерная реакция. И потом с Робертом Аткинсом, известным британским астрофизиком и астрономом, они пытались сделать какие-то расчеты

как раз туда в командировку приехал Александр Лейпунский, директор Украинского физико-технического института (ныне Харьковского физико-технического института).

В начале 1930-х Харьковский физтех только разворачивался, Лейпунского назначили директором. Молодой, наивный парень с большими ожиданиями светлого будущего хотел создать

мался ядерной физикой, обсуждал теорию с Львом Ландау, ему всё очень нравилось. Наступил 1937 год. Всех стали арестовывать. Сначала арестовали жену Вайсберга, потом его самого. Дошла очередь до Хоутерманса — его арестовали в декабре 1937 и отправили в тюрьму.

А дальше начался настоящий триллер. Или роман. Хоутерманс мотался по советским тюрьмам, конвейер допросов и пыток, он готовился к смерти. Однако в 1939 году был заключен секретный пакт между Берлином и Москвой, в рамках которого все немецкие коммунисты и евреи, которые спасались от гестапо в СССР, должны были быть выданы Германии.

— Ужас...

— Его выдали — в мае 1940-го отправили в Брест, и на мосту через реку Буг офицеры НКВД пожали руки офицерам из гестапо и передали его и еще несколько человек. Всего около 500 человек было передано в первые месяцы 1940 года. Дальше он попал в лапы гестапо, но с помощью влиятельных друзей был оттуда спасен. Историю его жизни можно рассказывать долго...

последние годы жизни она жила недалеко от Миннеаполиса. Но осталась ее дочь, та самая, про которую написано, что двухлетней ее привезли в Харьков, и в воспоминаниях это всё описано. В Харькове у них еще родился сын Ян, и он тоже еще жив.

Я их разыскал, они показали мне свои семейные архивы, и в дополнение к государственным архивам я вставил в книгу еще и их воспоминания. Для меня эта работа была как хобби, обычно я занимаюсь этим по субботам и воскресеньям, когда не занимаюсь или, точнее, стараюсь не заниматься физикой. Этой книгой я занимался несколько лет — работа меня увлекла.

Сейчас я готовлю продолжение, которое будет называться «Вместе в сложные времена» (*Standing Together in Troubled Times*). Эта книга о жене Фридриха — Шарлотте Хоутерманс. В 1920-х годах она была студенткой в Гёттингене и была близко знакома со всеми великими зачинателями квантовой физики — от Нильса Бора до Роберта Оппенгеймера. Когда она попала в тяжелейшую ситуацию после ареста мужа, ее друзья как-то спонтанно образовали «общество» по ее спасению. Помимо уже упомянутых Бора и

Юрий Апресян: «Более сильной лингвистики, чем наша, нет ни в одной другой стране»

Юрий Дереникович Апресян — академик РАН, гл. науч. сотр. лаборатории компьютерной лингвистики Института проблем передачи информации им. А. А. Харкевича Российской академии наук (ИППИ РАН). В отличие от предыдущих выпусков «Математических прогулок», вопросы, по просьбе профессора Апресяна, были составлены и заданы в письменном виде. Вопросы подготовили Михаил Гельфанд и Ирина Левонтина.

(Окончание. Начало в ТрВ-Наука № 223 от 28 февраля 2017 года [1])

О синтаксических структурах как об аксиомах в логических исчислениях и о месте российской лингвистики в общемировом контексте

— Чем объяснить влияние Хомского на развитие лингвистики? Насколько плодотворна его концепция и в чем она состоит? Есть ли в ней что-то полезное для современной лингвистики?

— Работа Ноама Хомского «Syntactic structures», известная также под именем «трансформационной грамматики», была опубликована в 1957 году и вышла в русском переводе в 1962-м. Это было время радикального преобразования традиционной лингвистической парадигмы, во многом стимулированного революцией в технологиях, в частности появлением компьютеров. Секрет влияния Хомского объясняется тем, что он появился в нужное время в нужном месте.

Надо сказать, что по образованию Н. Хомский не лингвист, а логик, и главные идеи «Синтаксических структур» выросли именно из этого источника. Он исходил из того, что в языке есть некоторый базис — конечный набор простейших синтаксических структур (как набор аксиом в логических исчислениях) и некоторые правила их преобразования — трансформации (как правила вывода в логических исчислениях). С помощью трансформаций из конечного набора простейших синтаксических структур порождается бесконечное множество более сложных структур. После заполнения узлов в исходных синтаксических структурах или в их трансформах конкретными словами получаются реальные предложения языка.

Хотя эти идеи сами по себе не кажутся мне ни особенно глубокими, ни — что гораздо важнее — адекватно описывающими синтаксис естественных языков или процесс порождения высказываний, нельзя не признать, что на синхроническую лингвистику они оказали большое и в целом плодотворное влияние. В частности, под воздействием этих идей расширился ее экспериментальный инструментарий, а сама она стала заметно строже.

Добавлю, что гораздо более глубокая модель «Смысл ↔ Текст» Игоря Мельчука, появившаяся на той же волне и приблизительно в то же самое время, оказала меньшее влияние на развитие мировой лингвистики именно потому, что возникла в другом месте.

— Мы обязательно хотели бы спросить о месте российской лингвистики в общемировом контексте. Дело в том, что сейчас, когда говорят о российской науке, вопрос часто ставят так: мол, насколько сильно мы отстаем от мирового уровня, есть ли у нас шанс догнать и т. д. Однако применительно к лингвистике всё, кажется, обсто-

ит несколько иначе? По крайней мере, есть некоторые направления, где говорить об отставании не приходится. Или это не так?

— Я считаю, что более сильной лингвистики, чем наша, нет ни в одной другой стране. Достаточно назвать — без дальнейших комментариев — такие имена, как Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров; В. А. Дыбо и В. М. Иллич-Свитыч; А. А. Зализняк и И. А. Мельчук; Т. В. Булыгина и Е. В. Падучева; такие лингвистические школы, как этнолингвистическая школа Н. И. и С. М. Толстых, ностратическая школа С. А. Старостина, школа лексической типологии Е. В. Рахилиной, Московская типологическая школа А. Е. Кибрика и В. А. Плунгяна, петербургская типологическая школа А. А. Холодовича и В. С. Храковского, Московская семантическая школа, Тартуская семиотическая школа Ю. М. Лотмана (последняя, правда, скорее общелингвистическая, чем чисто лингвистическая); наконец, такие области лингвистики, как этимология, где, по-видимому, несомненно появятся фигуры масштаба О. Н. Трубачёва.

Жаль, что наша лингвистика не пользуется в мире влиянием, соответствующим ее силе. Причина, по-видимому, в том, что языком мировой науки безраздельно стал английский язык, а мы пишем свои работы в основном по-русски.

О модели «Смысл ↔ Текст»

— Одна из самых ярких страниц теоретической лингвистики второй половины XX века — это модель «Смысл ↔ Текст». Расскажите, пожалуйста, о ней немного. Развивается ли она как-то сейчас? Как сложилась научная судьба тех, кто когда-то начинал эту работу?

— Я разобью этот рассказ на два фрагмента: первое — строение и основные компоненты модели, второе — ее реализация в системе «ЭТАП».

— Итак, первое. Строение и основные компоненты модели.

— Модель «Смысл ↔ Текст» — это, по замыслу ее автора, многоуровневая система правил, взаимодействующих со словарями особого типа, с помощью которой смысл, заданный в виде сложного семантического графа, преобразуется в множество выражающих его, т.е. синонимичных друг другу текстов (реально — предложений), а текст (реально — предложение) — в множество его омонимичных прочтений в виде семантических графов. Воспроизведу два своих старых примера образца 1980 года на обе эти темы.

Первая тема. Пусть задан следующий смысл (в линейной форме, потому что здесь рисовать сложный граф было бы неуместно): *Тот факт, что температура атмосферного воздуха стала меньше, чем была в какой-то недавний момент, был причиной того, что черепахи перестали жить.* Ему соответствует большое множество синонимичных друг другу предложений русского языка, например *Похолодание было причиной гибели черепах, Черепахи погибли из-за похолодания, Черепах погубило похолодание, К гибели черепах привело похоло-*

дание, Похолодание вызвало гибель черепах, Черепахи перемерли из-за похолодания и т.п. (Здесь опущены некоторые тонкости, связанные с так называемой коммуникативной структурой высказывания.)

Вторая тема — переход от текста к смыслу. Возьмем следующее предложение и посмотрим, какие «омонимичные» осмысления (прочтения) оно допускает: *Сплочение рабочих бригад вызвало осуждение товарища Иванова.* Во-первых, то, что бригады сплотились, могло вызвать осуждение чиновника Иванова. Во-вторых, то, что бригады сплотились, могло вызвать осуждение не самого этого чиновника, а какого-то его товарища. В-третьих, то, что кто-то осудил Иванова, могло — например, из солидарности с Ивановым — вызвать сплочение рабочих каких-то бригад. В-четвертых, то, что кто-то осудил не самого Иванова, а его товарища, могло вызвать сплочение рабочих каких-то бригад. И т.д. В свое время И. А. Мельчук и Л. Н. Иорданская проанализировали это предложение и получили для него 32 омонимичных прочтения.

Оба перехода — от смысла к тексту и от текста к смыслу — в модели И. А. Мельчука рассматриваются как многоступенчатые, или многоуровневые, преобразования. Ниже я коротко опишу только первый из них, т.е. переход от смысла к тексту.

Если отбросить некоторые тонкости, в модели «Смысл ↔ Текст» выделяются следующие уровни представления предложений: а) семантический (подлежащий выражению смысл имеет вид семантического графа); б) глабинно-синтаксический (дерево зависимостей, в котором пары узлов связаны одним из десяти универсальных синтаксических отношений, а в узлах стоят слова естественного языка или фиктивные слова-смыслы); в) поверхностно-синтаксический (дерево зависимостей, в котором пары узлов связаны одним из 50–60 специфических для данного языка синтаксических отношений, а в узлах стоят только слова этого естественного языка); г) глубинно-морфологический (линейно упорядоченная последовательность слов с приписанными им грамматическими характеристиками); д) поверхностно-морфологический (та же самая последовательность, но с заменой наборов грамматических характеристик реальными окончаниями, т.е. реальное предложение естественного языка в орфографической записи).

В работах самого И. А. Мельчука была предложена общая идея модели «Смысл ↔ Текст» и разработаны некоторые ее фрагменты, в частности: а) аппарат так называемых лексических функций (совместно с А. К. Жолковским) для представления некоторых семантических отношений между словами (синонимии, антонимии и т.п.) и их лексически ограниченной сочетаемости (мы говорим *твердо знать* и *крепко спать*, но не наоборот; *оказывать давление* и *производить впечатление*, но не наоборот); б) модель синтаксиса английского языка (совместно с Н. В. Перцовым); в) небольшой фрагмент модели синтаксиса русского языка (совместно с Л. Л. Иомдиным).

Фото Е. Гурко

Кроме того, стоит отметить: г) новаторский «Толково-комбинаторный словарь», в 2016 году вышедший в Москве вторым изданием (скорее все-таки пилотный проект словаря, потому что он содержит всего 203 слова, описанных, правда, с беспрецедентной полнотой); его авторы — большой коллектив московских лингвистов под руководством И. А. Мельчука и А. К. Жолковского; д) четырехтомный «Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain» объемом приблизительно в 500 слов (Montréal, 1984–1999), созданный коллективом авторов под руководством И. А. Мельчука; и ряд других фрагментов, из которых нельзя не упомянуть классическое исследование И. А. Мельчука «Поверхностный синтаксис русских словесных выражений» (Wien, 1985 — Sonderband 16 «Венского славистического альманаха»).

— И второе. Реализация модели «Смысл ↔ Текст» в системе «ЭТАП».

— Однажды сформулированная, модель «Смысл ↔ Текст» стала жить собственной жизнью, может быть, не всегда согласованной с желаниями ее автора.

Наиболее полно модель «Смысл ↔ Текст» была реализована в системе «ЭТАП» — основном детище лаборатории компьютерной лингвистики ИППИ. Однако началась эта работа намного раньше — в отраслевом институте «Информэлектро» Министерства электротехнической промышленности СССР. С 1972 года в «Информэлектро» стала формироваться лингво-математическая группа. Земной поклон его тогдашнему директору Сергею Глебовичу Малинину, без колебаний это разрешившему, хотя группа состояла почти сплошь из «подписантов» (письма протеста по поводу судебных процессов над Ю. М. Даниэлем и А. Д. Синявским, А. И. Гинзбургом и Ю. В. Галансковым, письма в защиту А. Д. Сахарова и А. И. Солженицына) или этнически «неправильных» личностей.

Сначала сложилась лингвистическая группа (Ю. Д. Апресян, И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин, А. В. Лазурский, В. З. Санников), которой было поручено заниматься машинным переводом. Я бы хотел особо отметить роль двух участников этой работы — И. М. Богуславского, Л. Л. Иомдина — в определении ее стратегии и разработке некоторых конкретных модулей, в частности модуля синтаксического анализа (Л. Л. Иомдин) и модулей преобразования синтаксической структуры входного предложения в синтаксическую структуру выходного (И. М. Богуславский).

Нам сразу стала ясна ключевая роль синтаксического компонента будущей системы, и мы начали горячо ее обсуждать. Лёня Иомдин, у которого уже был кое-какой опыт формального описания синтаксических структур (см. выше), предложил вести обсуждение предметно и использовал для этого переименованную бунинскую

фразу: «По осени в „Информэлектро“ потянулись первые подводы с мочеными яблоками». Обсуждения сопровождались взрывами такого гомерического хохота, что в какой-то момент они привлекли внимание Л. Л. Цинмана, уволенного за подписание из Академии им. М. В. Фрунзе. Он был учеником академика П. С. Новикова и великолепно знал математическую логику. В какой-то момент он решил, что с нами стоит сотрудничать, и мы приобрели человека, без которого компьютерная реализация модели была бы невозможна.

Как было сказано выше, в основу нашей системы была положена теоретическая модель И. А. Мельчука, который приписывал ей два свойства. Во-первых, он считал ее формальной; во-вторых, он считал, что она точно моделирует языковую деятельность человека.

Она действительно была и до сих пор остается самой формальной моделью языка на «человеческом» уровне, но не на уровне общения с компьютером. До этого уровня ее довел Лёня Цинман. Он придумал формальный язык, на котором можно было записывать в доступном для компьютера виде правила синтаксического анализа предложений, и алгоритм синтаксического анализа фильтровального типа. С помощью этого алгоритма из первоначального — достаточно большого — набора гипотез о возможных синтаксических связях слов в предложении на основе различных критериев вычищались ложные гипотезы, пока не получалась (n – 1) гипотеза (в дереве из n слов должно быть в единицу меньше синтаксических связей между словами).

Весной 1975 года он принес в лабораторию первый подробный протокол получения синтаксической структуры предложения, состоявшего из двадцати слов. Распечатка протокола (listing) занимала пять огромных листов приблизительно в один квадратный метр каждый. Здесь я испытал, пользуясь модным словечком, экзистенциальное потрясение, потому что понял, что в моей голове процесс понимания предложения ни при каких обстоятельствах не может быть столь громоздким. Это компьютер понимает текст алгоритмически, — он не может понимать его иначе, а человек прибегает к какому-то подобию алгоритма только в трудных случаях.

В принципе, сказанное не отменяет того, что в достаточно большом числе случаев понимание и у человека носит логический характер: он понимает что-то, опираясь на свои прошлые знания, на те знания, которыми он располагает в момент размышления над чем-то или восприятия чего-то, и на знания о том, как предмет размышлений или восприятия может развиваться в дальнейшем.

Однако очень часто человек правильно понимает что-то при явном отсутствии некоторых необходимых условий для этого, т.е. интуитивно. ►

► На эту мысль наводит сам язык — лучший проводник в дебрях человеческого сознания; конкретно я имею в виду такие слова, как *интуиция*, *инсайт* (от англ. insight), *догадаться*, *отгадать*, *разгадать*, *угадать* и т.п. Интересны также похожие по смыслу на *догадаться*, но конверсные ему синтаксически глаголы *дойти*, *осенить* и *озарить* в их метафорических значениях: *Он догадался* ↔ *До него дошло*, *И тут его осенило* <озарило>.

Из сказанного следует, что я не вижу оснований считать модель «Смысл ↔ Текст» точной моделью языковой деятельности человека.

Несмотря на это легкое расхождение с И. А. Мельчуком, моим очень близким другом и нашим общим учителем, я продолжаю считать его моделью одним из самых замечательных достижений современной лингвистики.

— Как сложилась научная судьба тех, кто когда-то начинал эту работу?

— Полагаю, что здесь речь идет о научной судьбе моих друзей и товарищей по работе, названных выше: И. М. Богуславского, Л. Л. Иомдина, Л. П. Крысина, А. В. Лазурского, В. З. Санникова и Л. Л. Цинмана. Считаю, что хорошо сложилась. Они по-прежнему (кроме Л. П. Крысина, в начале перестройки ушедшего в Институт русского языка) работают в ИППИ и на жизнь не жалуются. Это сильные, яркие, творческие личности, умеющие великолепно работать и в большом коллективе, и в одиночку, что, по-моему, нетривиально. При этом И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин и В. З. Санников в своих исследованиях в области семантики и синтаксиса русского языка, выходящих далеко за пределы компьютерной лингвистики, получили результаты, которые можно смело назвать классическими.

О составлении словарей, московских лингвистических семинарах и лингвистах новой формации

— В свое время вместе с разработкой модели «Смысл ↔ Текст» создавался и знаменитый «Толково-комбинаторный словарь». А в последние десятилетия Вы также занимаетесь лексикографией (сейчас работаете над «Активным словарем русского языка», до этого — над «Новым объяснительным словарем синонимов» и т. д.) Тут есть какая-то закономерность? Кажется, что составление словаря — такая рутинная работа, почему же занятия теоретической семантикой подталкивают лингвиста к идее создать свой словарь?

— Я особой закономерности здесь не вижу. Мне в жизни выпала большая удача — заниматься тем, что так или иначе было мне интересно. И лексикографией я стал заниматься не одновременно с моделью «Смысл ↔ Текст», а значительно раньше, и даже раньше своего знакомства с И. А. Мельчуком (1960 год) — с 1958 года, когда я был приглашен И. Р. Гальпериным в авторский коллектив «Большого англо-русского словаря» (БАРС^а). Двум участникам коллектива (А. А. Санкину и мне) И. Р. Гальперин поручил написать инструкцию для составления его словарных статей.

Для этого пришлось надолго погрузиться в изучение опыта английской и американской лексикографии — я в течение целого года ежедневно просиживал в словарном отделе Ленинской библиотеки по десять-двенадцать часов. Затем началась работа большой группы авторов над самим словарем, растянувшаяся более чем на десятилетие; первое, двухтомное издание БАРС^а вышло в 1972 году.

В 1981 году мы приступили к работе над расширенной до трех томов версией этого словаря, известной как НБАРС («Новый большой англо-русский словарь»). На этот раз инструкцию писали три автора — Э. М. Медникова, А. В. Петрова и я. Я хотел бы особо отметить вклад Э. М. Медниковой и А. В. Петровой в формирование общей концепции словаря.

На последних этапах — после смерти И. Р. Гальперина в 1984 году и Э. М. Медниковой в 1989-м — издательство «Русский язык» пригласило меня на роль руководителя этой работы, а я, считая, что для ее завершения нужна новая кровь, попросил включиться в нее Л. Л. Иомдина. Он с удовольствием на это согласился и, кстати, написал для вводных материалов прекрасную статью под названием «Как пользоваться словарем».

НБАРС был опубликован в 1993–1994 годах, восемь раз переиздавался и доступен в электронном виде в составе ресурсов Multitex, Multitran и других электронных и онлайн-словарей. Скоро должно выйти исправленное и существенно дополненное издание словаря, соавторами которого являются В. Ю. Апресян и Б. Л. Иомдин — тоже новая кровь.

Кроме этого словаря я участвовал в качестве соавтора и руководителя в создании еще нескольких словарей. Упомяну «Англо-русский синонимический словарь» (М., 1979), «Русский глагол — венгерский глагол. Управление и сочетаемость» (совместно с Эрной Палл, Будапешт, 1982), «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» (М., 2004) и особенно дорогой для меня «Активный словарь русского языка», первые два

тома которого вышли в 2014 году; сейчас сдан в печать третий том — до буквы «З» включительно.

Не стану говорить о лексикографических концепциях перечисленных словарей — если они интересны читателю, он найдет нужную информацию на этот счет во вводных материалах к ним.

И последнее: я не считаю составление словаря рутинной работой, потому что описание почти любого слова, особенно многозначного, таит в себе шанс на маленькое открытие. А тот тип лексикографического описания, который принят в «Активном словаре русского языка», с его установкой на создание «лексикографических портретов» (отражающих все личные особенности слова) одновременно с установкой на поиски «лексикографических типов» (классов слов с похожими свойствами), открывает для этого почти неограниченные возможности.

— Если посмотреть на список московских семинаров и конференций, на их программы, можно заметить, что в Москве чрезвычайно насыщенная лингвистическая жизнь. Тут, кстати, можно упомянуть и Ваш многолетний семинар по теоретической семантике в ИППИ РАН (кстати, сколько лет он уже продолжается и сколько в общей сложности семинаров прошло?)

— Наш семинар по теоретической семантике (были у него раньше и другие названия) существует с 1973 года, и начался он с большого курса лекций, прочитанных И. А. Мельчуком, из которого выросла его уже упоминавшаяся монография «Поверхностный синтаксис русских числовых выражений». Всего за более чем сорок лет работы семинара состоялось около 600 заседаний.

— А где кроме Москвы в России есть хорошие лингвистические школы, направления?

— Некоторые лингвистические школы были названы выше. Разумеется, школы, в том числе получившие мировое признание, существуют не только в Москве. Такова, например, уже упоминавшаяся Петербургская типологическая школа, Тартуская семиотическая школа Ю. М. Лотмана и ряд других.

— Любите ли Вы преподавать?

— В сущности, мой путь в лингвистике начался именно с преподавания. Я окончил Московский педагогический институт иностранных языков в 1953 году, тогда же поступил в аспирантуру, а в 1954 году был принят в штат преподавателей факультета английского языка. Преподавал в этом институте шесть лет — до перехода в сектор структурной лингвистики Института русского языка Академии наук СССР.

Структурная лингвистика в это время была очень популярна, и меня часто приглашали читать курсы лекций в университеты и педагогические институты Москвы, Киева, Минска, Кишинёва, Вильнюса и других столиц союзных республик, а также в Красноярск, Новосибирск, Тверь, Ярославль и другие города.

С конца 1960-х годов начался период долгой опалы. За подписание уже упоминавшихся писем протеста против политических судебных процессов конца 1960-х годов и писем в защиту А. Д. Сахарова и А. И. Солженицына я в 1972 году был уволен из Института русского языка. В это время почти не преподавал — мало кто отважился пригласить меня. С началом перестройки возможность преподавать открылась снова, меня стали приглашать и за границу. Я читал большие (иногда даже семестровые) курсы лекций в Будапеште, Вене, Канберре, Лос-Анджелесе и других городах и столицах западного мира. Преподавание любил.

— Что надо преподавать будущим лингвистам?

— Современная лингвистика — настолько разветвленная научная дисциплина, что единого ответа здесь, по-моему, быть не может. Подозреваю, что с детальными ответами, ориентированными на специализацию будущего лингвиста, вполне справляются программы преподавания филологических факультетов наших лучших университетов.

Если же иметь в виду более частный вопрос — что нужно преподавать лингвистам новой формации, — то на него хорошо отвечают программы отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени Ломоносова, в составлении которых в свое время принимал деятельное участие Владимир Андреевич Успенский. Об их качестве я сужу по квалификации выпускников отделения, из которого вышла целая плеяда выдающихся ученых, проложивших новые пути во всех областях нашей науки. Насколько я знаю, хорошие программы подготовки лингвистов составлены и в Школе лингвистики (руководитель — Е. В. Рахилина) Высшей школы экономики.

1. <http://trv-science.ru/2017/02/28/yuri-apresyan-mathwalks/>

«Что касается языка, то мы просто компьютеры»

В 2012 году, на свое 80-летие, российско-канадский лингвист Игорь Мельчук приезжал в Москву, где в рамках конференции «Языкознание sub specie русистики: взаимодействие языковых элементов», проходившей в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН, состоялось его чествование. Публикуем расшифровку короткой беседы Наталии Деминой с И. А. Мельчуком.

Н.Д.: В чем основная цель Ваших исследований?

И. Мельчук: Я делаю модель естественного языка. Если делается модель самолета, то она должна летать. А модель языка будет говорить. Всё очень просто. Этим я и занимаюсь, думаю над вопросом: А как такую модель сделать?

Н.Д.: Вы хотите сделать застывший слепок русского языка?

И.М.: Только не застывший, а живой. Мы же умеем говорить по-русски, и эта штука будет говорить по-русски.

Н.Д.: Это что-то связанное с компьютером?

И.М.: Конечно! Единственный реальный носитель языка — это компьютер, потому что мы с вами тоже два маленьких компьютера.

Н.Д.: Я надеюсь, что мы лучше, чем компьютеры...

И.М.: В некотором смысле много-много лучше, а в каком-то много-много хуже. Это неизвестно. Но что касается языка, то мы просто компьютеры, не лучше и не хуже. Довольно мощный, но все-таки не очень мощный компьютер. Господь Бог сделал нас плохо. Я бы уже мог сделать нас лучше! А действительно знатоки сделали бы еще много лучше.

Ирина Левонтина: Вы вчера говорили о разнице между говорением и пониманием, не могли бы повторить?

И.М. Большинство лингвистов (практически чуть ли не все, кого я знаю, что бы они ни говорили про свою деятельность) занимаются объяснением, «что это значит», так или иначе, в той или иной форме. Я же, так как я всё равно не могу понять, что, что это значит, умею только говорить о том, что что значит. Для этого были еще и чисто прикладные причины: я очень рано занялся машинным переводом.

Я считаю, что лингвистика должна заниматься не проблемой «что это значит», а только «как это сказать». То есть про-

блемой говорения, а не проблемой понимания. Почему я так думаю? Я считаю, что в понимании очень существенным образом участвует язык. Если бы я сейчас с Вами говорил по-китайски, то Вы бы ничего не могли понять. Но когда Вы меня слушаете, то для Вас русский язык лишь орудие проникнуть в мои мысли. Вы же не думаете сейчас: говорю я по-русски с акцентом или без, быстро или медленно, правильно или делаю ошибки. Вам это неинтересно, да и незачем. Вам интересно содержание.

Так вот извлечение этого содержания — это не просто знание русского языка, а гораздо-гораздо больше. Представьте себе, что на Вашем месте сидит какая-то бабулька с рынка, которая прекрасно говорит по-русски, но хуже Вас, но она не поняла бы ни одного слова. А если бы я сейчас заговорил профессионально с Ириной [Левонтиной], то Вы бы не поняли ни одного слова, хотя это был бы абсолютно нормальный средний русский язык.

Так вот именно по этой причине понимание — это неязыковой процесс. Понимание речи как понимание математической задачи или понимание паттерна уличного движения и т.д. — это совершенно отдельное дело, не имеющее прямого отношения к лингвистике. Да, это понимание происходит с помощью языка, но и только. Тогда как го-

ворение — это фактически только использование языка. Чтобы ответить на Ваши простые для меня вопросы, мне не нужно думать, я уже знаю все ответы. А что мне надо? Мне надо то, что я знаю, облечь в языковую форму. Это и есть для меня язык. Это и только это! Всё остальное — это не язык, а что-то другое, как бы важно оно ни было.

См. полную запись беседы И. Мельчука с Н. Деминой и И. Левонтиной и др., а также юбилейных чествований: www.youtube.com/watch?v=AhtVWxiBw-0

Je suis kawaii

Александр Беляев,
востоковед, ст. преподаватель ИВКА РГГУ,
поэт, переводчик

В первую очередь с благодарностью мне хочется признаться в том, что названием этой статьи я обязан Яне Бражниковой, моей собеседнице и коллеге по РГГУ, философу и переводчице книг Ролана Барта «Империю знаков» («Праксис», 2004) и «Как жить вместе» («Ад Маргинем», 2016), которая предложила мне выступить на «Алешинских чтениях» в РГГУ с неожиданной для меня самого темой — «Философия каваяи». Не будучи профессионально институциональным философом, но питая страсть к чтению отдельных философских текстов, я ощущал своего рода легкость: оказавшись на «чужой территории», среди докладов о Канте и Лейбнице, я подумал, что могу внести живую струю, к тому же затронув неожиданную тему (в программке конференции ради приличия значился доклад о тексте Хайдеггера «Диалог между японцем и спрашивающим», а также о рецепции идей Деррида в Японии, то есть о некоторых связях между появившимися в XX веке японскими философами прозападного толка и собственно западной философией). Оправданием наглости моего выступления было всего одно обстоятельство: на тот момент я практически закончил переводить с японского языка книгу Ёмота Инухико (р. 1953), современного японского культуролога и теоретика кино, рабочее название которой — «Теория каваяи». У меня, как у переводчика, накопились некоторые мысли и чувства как по поводу текста этой книги, так и более общего характера.

Прежде чем перейти к сути дела, я позволю себе две преамбулы. Сначала отвеченная преамбула о японской жизни. Японская жизнь во всех своих разнообразных проявлениях не уходит куда более глубоко и подробно развитое отражение в текстах самого разного рода, нежели любая другая жизнь в текстах на любом другом языке. Сама по себе эта жизнь уже накопила и продолжает накапливать массу мелочей, аспектов, сторон и особенностей, при встрече с которыми у европейского человека уже на протяжении многих веков регулярно с той или иной степенью интенсивности съезжает крыша. Японцы пишут много и буквально обо всем. Кажется, что нет в Японии такой вещи, такой мелочи, такого явления, по поводу которых не было бы написано хотя бы одной книги, статьи или исследования. Масштаб и страсть к описательному, подробному письму и рефлексии поражает и пугает своими объемами и скрупулезностью. Поэтому не удивительно, что нашелся автор, решивший написать трактат и о таком понятии, как каваяи.

Теперь привлеченная преамбула о нашей жизни. Как мне представляется, у нас есть унаследованное с советских времен представление о том, что наука, даже гуманитарная, — это что-то серьезное, сложное, в основном «позитивистское», доказательное, стремящееся найти точные и однозначные ответы на свои вопросы или на вопросы мироздания. Верифицируемость, доказательность, знание и понимание материала и многое другое — всё это необходимые требования и условия существования «настоящей науки». Повседневное, бытовое, жизненное и насущное оказывается за пределами научного горизонта и учебного курса. Это область литературы, публицистики, журналистики, разговоров на кухне, брюзжания в транспорте. Так называемая культура повседневности стала составной частью гуманитарной мысли совсем недавно, и то в основном в виде переводов иностранной литературы — философской и культурологической по преимуществу. Такие темы, к примеру, как «Семантика и прагматика улыбки в русской культуре», «Особенности употребления смайликов в языке Рунета» или что-то наподобие у большинства старорежимных представителей нашей структурной лингвистики или классической филологии способны вызвать разве что легкую усмешку. Для курсовой на втором курсе сгодится, но, скорее всего, загнобят. Тенденции меняются, уследить за этими переменами трудно, и, прибегая к известному клише, это не входит в задачу настоящего исследования. В нее входит попытка рассуждения о рассуждении.

Ёмота Инухико можно считать представителем японского «постмодернизма» по причине того, что он публиковался в тех же журналах *Shinemagura* и *GS — Tanoshii Chishiki*¹, что и один из самых известных и цитируемых японских постмодернистских авторов Асада Акира², автор книги «Структура и сила: поверх семиотики», ставшей бестселлером в Японии в 1983 году. Кроме того, Ёмота в своем трактате о каваяи ссылается на тех авторов (или просто упоминает их без точных ссылок), которых принято причислять к постмодернизму, либо на их современников из соседних интеллектуальных «лагерей»: это Ролан Барт, Фредрик Джеймсон, Жак Лакан, Роже Кайуа, Жан Бодрийяр, Клод Леви-Стросс. Оправданность и необходимость имеющихся ссылок, а также отсутствие каких-то более ожидаемых могли бы подвергнуться критике, если бы мы имели дело с «обычным» научным текстом и понятным кругом необходимой литературы. В случае с Ёмота, как мне кажется, важнее сам контекст, попадание в определенное поле, следование определенному курсу и дискурсу. Каваяи и постмодерн — оба этих явления объединяет мода.

Итак, о чем же идет речь, что такое каваяи? Это слово пока еще не получило полноценной прописки в русском языке и распространено в основном в среде любителей японской анимации, о чем можно прочесть на одном известном интернет-портале³. Прилагательным каваяи оценивается нечто миленькое, маленькое, трогательное. В современном русском близкими аналогами служат новоизобретенные сленговые прилагательные «мимимишный», «няшный» (тоже, кстати, от японского междометия ня), «усипусечный» и так далее. Котики из «Фейсбука», пожалуй, являются наиболее заметными примерами «каваизации» Рунета, однако в целом отечественная ситуация остается совершенно некавайной и даже антикавайной. Однако в Японии каваяи — это воистину орудие массового поражения. Количество и разнообразие всевозможных мелких милых вещиц, окружающих быт и нравы практически каждого первого японца — от школьницы, чья форма напоминает матросский наряд «Сейлормун», до офисного клерка с розовым галстучком, украшенным множеством мордочек «Хелло Китти», — не поддается исчислению. Вся эта индустрия каваяи, приносящая миллиардные доходы в год за счет продаж всевозможного розового барахла, призвана смягчить зарегулированную правилами и ритуалами сложную японскую жизнь буквально на всех ее уровнях.

Каваяи — самое частое оценочное прилагательное японского языка, слово-паразит, что-то вроде «клево», «круто» и «прикольно». Спрашивается вопрос: где тут место для науки или философии? Каваяи, казалось бы, отменяет и ту и другую, исключает рефлексию и мысль вообще, будучи оплотом глупости, беспечности, детскости во взрослом состоянии, вытекающей отсюда безответственности и полной атрофии мозгов. Понятно, что это сильнейший манипулятивный инструмент рынка и власти общества сверхпотребления (японское общество с его вещизмом относится именно к таким). Впрочем, делать сердца подданных пустыми, а их желудки полными предлагается еще в трактате «Дао Дэ Цзин».

«Некавайное это занятие — писать книгу о каваяи», — откровенно признается Ёмота Инухико ближе к финалу своего двухсотстраничного рассуждения, после чего поправляет очки на носу, откладывает Барта с Бодрийяром в сторонку и отправляется ради полевого исследования на прогулку по летнему, знойному Токио, где его постепенно всё теснее берут в кольцо рисованные, большеглазые, пышногрудые, крутобедрые и при этом по-детски невинные красавицы в мини-юбках. ♦

¹ «Синематека» и «Веселая наука»

² Об этом упоминается в интервью с Ёмота Инухико на сайте: www.midnighteye.com/interviews/inuhiko-yomota/

³ <http://lurkmore.to/Каваяи>

Нумизматическая загадка

М. Ю. Лермонтова

Вот цитата из «Героя нашего времени». Слуга объявил, что Печорин остался ужинать и ночевать у полковника Н... — Да не зайдет ли он вечером сюда? — сказал Максим Максимыч, — или ты, любезный, не пойдешь ли к нему за чем-нибудь?.. Коли пойдешь, так скажи, что здесь Максим Максимыч; так и скажи... уж он знает... Я тебе дам восьмигривенный на водку...

Лакей сделал презрительную мину, слыша такое скромное обещание, однако уверил Максима Максимыча, что он исполнит его поручение.

Ю. А. Федосюк в книге «Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века» (1998) пишет, что в России монеты в 80 копеек никогда не было (что правильно), а восьмигривенный — это персидская монета в четыре абазы, имевшая хождение на Кавказе. Видимо, с его легкой руки эта версия широко распространена на всевозможных конкурсах и олимпиадах. Но вот только монету в четыре абазы найти тоже не удается.

Персидскую монетную систему Грузия переняла в конце XVI века. Ее основой был серебряный абаз, или аббаси, названный в честь шаха Аббаса I (1588–1629). Вот аббаси Аббаса II (1632–1667), отчеканенный на тбилисском монетном дворе:

Во второй половине XVIII века в Тбилиси чеканились серебряные монеты в полтора, один, половину и четверть абазы. Монеты этого типа также имели персидскую надпись, но по рисунку отличались от монет, ходивших в Иране. Они оставались в обращении и после присоединения к России и были окончательно изъяты только к концу XIX века [1].

После заключения в 1783 году Георгиевского трактата Екатерина II разрешила царю Ираклию II чеканить медные монеты с российским двуглавым орлом. Реверс оставался персидским, но иногда на нем дополнительно делалась надчеканка с монограммой Ираклия II:

Чеканились также монеты с гербом Грузии

и с одноглавым орлом:

Последние объясняют по-разному: искажением российского герба под давлением Персии; разочарованием в России, не соблюдавшей союзнические обязательства по защите Грузии; и, наконец, просто ошибкой резчика.

После вхождения Грузии в состав России чеканка грузинских монет продолжалась: в Тбилиси в 1804–1835 годах чеканили монеты с грузинскими надписями — медные пули (5 динаров), полубисти и бисти (20 динаров, «бисти» по-арабски «двадцать»); на фотографии монета 1805 года) и серебряные полубазы (на фотографии — 1827 года). Полубисти приравнивался к одной копейке, стало быть, абаз равнялся двугривенному. По либеральному решению Александра I на монетах не было русских надписей, кроме инициалов монетных мастеров (на приведенной монете «А.Т.» — Александр Трифонов).

В редакторских примечаниях к книге Е. А. Пахомова «Монеты Грузии» (написанной в 1910–1915 годах и опубликованной полностью только в 1970 году) Д. Г. Капанадзе обсуждает также номинал *марчили*, равный трем абазам; впрочем, возможно, что такой монеты на самом деле не чеканилось, а к этому номиналу приравнивались европейские талеры. Там же сказано, что источники упоминают также *миналтун*, равный пяти абазам, но не как монету, а как счетную единицу.

Итак, никаких сведений о чеканке и хождении в Грузии, да и в Персии монет в четыре абазы найти не удается. Следует отметить, что и сама сумма вознаграждения лакею вызывает сомнения: Пушкину в аналогичной ситуации хватило одного абазы. Из «Путешествия в Арзрум»:

Здесь начинается Грузия <...> Наконец увидел я огни и первый встречный вызвался провести меня к городничему и потребовал за то с меня абаз.

Появление мое у городничего, старого офицера из грузин, произвело большое действие. Я требовал, во-первых, комнаты, где бы мог раздеться, во-вторых, — стакана вина, в-третьих, — абазы для моего провожатого. Городничий не знал, как меня принять, и поспрашивал на меня с недоумением. Видя, что он не торопится исполнить мои просьбы, я стал перед ним раздеваться, прося извинения *de la liberte grande*. К счастью, нашел я в кармане дорожную, доказывавшую, что я мирный путешественник, а не Ринальдо-Ринальдини. Благословенная хартия возымела тотчас свое действие: комната была мне отведена, стакан вина принесен и абазы выдан моему проводнику с отеческим выговором за его корыстолюбие, оскорбительное для грузинского гостеприимства.

Пожоже, нумизматика на этом заканчивается. Далее наступает черед литературоведов: им виднее, можем ли мы предположить, что Лермонтов допустил неточность.

М. Г.

1. Капанадзе Д. Г. Грузинская нумизматика. М., Изд. АН СССР, 1955.

Суровая реальность, репрезентированная документом, долгие годы без дела лежавшим в архиве, приходит и рушит устоявшиеся обобщения. Это в целом неувидительно, когда дело касается давно ушедших времен, сведения о которых отрывочны. Куда меньше ждешь этого от недавнего прошлого. Тем не менее место неожиданным открытиям есть и здесь.

Имя **Бориса Уварова** известно каждому энтомологу. Со страниц учебников на нас смотрят горбатый профиль переднеспинки одиночной фазы перелетной саранчи и с седловидным провалом — стадной. До Уварова их принимали за два близких, но различных вида, отличающихся друг от друга особенностями строения и поведением.

Б. П. Уваров. Фото с сайта www.ihst.ru

Именно он смог доказать, что издавна наводившая на земледельцев ужас сбивающаяся в огромные стаи перелетная саранча развивается из яиц казавшихся относительно безобидными одиночных кобылок, когда при определенных условиях плотность популяции превышает критический порог.

Это открытие внесло важный вклад в понимание популяционной динамики саранчовых и заложило научные основы мониторинга и контроля численности опасных вредителей. Уехав в 1920 году в Лондон из послереволюционной Грузии, куда очередной зигзаг карьеры прикладного энтомолога забросил Уварова еще в начале Первой мировой войны, он после долгих лет, проведенных среди коллекций Британского музея естественной истории за определением насекомых и консультированием колониальных энтомологов, возглавил борьбу с саранчой на просторах империи, над которой никогда не заходило солнце, и стал одним из признанных лидеров мировой ортоптерологии.

В зрелые годы Уваров возглавлял Королевское энтомологическое об-

Алексей Куприянов

Саранча и важность мелочей

Как и во всех эмпирических науках, у историков бывают свои неожиданные открытия. О том, что нового удалось узнать о легендарном энтомологе, создателе теории фаз саранчи Борисе Петровиче Уварове (1886–1970) двум историкам науки, канд. биол. наук **Алексее Куприянову** (НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге) и **Анастасии Федотовой** (Санкт-Петербургский филиал ИИЕТ РАН), вы можете узнать из их статьи.

Анастасия Федотова

щество в Лондоне, его заслуги были отмечены посвящением в кавалеры, а затем в кавалеры-командоры ордена Св. Михаила и Св. Георгия, в 1950 году он был избран членом Лондонского королевского общества.

Одним словом, по всем параметрам Б. П. Уваров подходил под образ человека известного. Однако уже первые биографические очерки, помещенные в некрологах, противоречили друг другу в самых основных датах. В некрологе, опубликованном от лица сотрудников Противосаранчного исследовательского центра, который Уваров возглавлял много лет, годом рождения Бориса Петровича был указан 1888-й. Физиолог сэр Винсент Уилгсуорс в очерке, написанном для «Биографических мемуаров членов Лодонского королевского общества», указал другую дату — 5 ноября 1889 года, заметив, что путаница в паспорте возникла при спешном отъезде из Грузии и что сам Уваров позже указывал 1888 год в официальных документах, но «принял меры», чтобы общество узнало о подлинной дате его рождения.

До недавнего времени никто не подвергал эти данные сомнению, однако около года назад, после публикации одного из писем Уварова его другу и учителю А. П. Семёнову-Тян-Шанскому, Сергей Фокин, давно и плодотворно изучающий историю зоологии в Санкт-Петербурге, где прошли студенческие годы Уварова, сообщил частным образом, что в виденных им университетских бумагах год рождения Уварова (1886) не совпадал ни с первой, ни со второй датой.

Ситуация требовала прояснения. В том числе потому, что дата 5 ноября 1889 года создавала определенные трудности в изложении деталей ранней биографии Уварова. Получалось, что реальное училище он закончил неполных тринадцати лет от роду (1902), а в Екатеринославское высшее горное училище, в котором учился до университета, поступил в возрасте неполных пятнадцати лет (1904). В том, что Уварова воспринимали как одаренного молодого человека, сомневаться не приходится

(тому есть свидетельства современников, например А. А. Любищева), однако никто не числил его вундеркиндом, на несколько лет обгонявшим товарищей по учебе.

Установить дату рождения и другие детали биографии чиновника в царской России (а Б. П. Уваров, как служивший по сельскохозяйственному ведомству, был чиновником) при сохранности бумаг, в общем, несложно. Анастасии Федотовой удалось обнаружить и университетское дело студента Уварова, и документы, связанные с его службой. Среди прочего нашлась и выписка из метрической книги Александровской православной церкви г. Уральска (ныне Орал, Казахстан) — пожалуй, наиболее аутентичное из возможных на настоящий момент документальных

вполне понятным причинам история науки считается легким жанром, доступным каждому. Для того чтобы ею заниматься, достаточно положиться на память, свою или заемную, или опубликованные труды ученых прошлого.

Спору нет, свидетельства очевидцев, сохранившиеся в мемуарах или добытые в интервью, важны, точно так же как и внимательное изучение следа, оставленного в научной литературе. Однако не менее важны скрытые ремесленные аспекты работы, то, что историки называют триангуляцией: когда все собранные относительно независимые свидетельства подвергаются критическому рассмотрению и сопоставляются между собой.

Саранча в зоопарке Уипснейд (Великобритания). Подсемейство Acridinae. Фото William Warby (Wikimedia)

свидетельств, в которой было указано, что «октября двадцать второго дня 1886 года» [1] в семье титулярного советника Петра Петровича Уварова и его законной жены Александры Вуколовой [2], обоих православных, родился сын Борис.

Дальнейшая работа в архивах принесла немало уточнений в датах ранней биографии Б. П. Уварова и немало интересных подробностей, связанных с его деятельностью в области прикладной энтомологии в России. Однако такой масштабный сдвиг в одной из основных биографических дат для известного исторического лица (по сути, годы рождения и смерти нередко оказываются вообще единственной биографической деталью, попадающей в сухие перечисления) — нечто само по себе примечательное.

Помимо описания этого почти энтомологического курьеза с исправлением даты на этикетке в биографической коллекции, нам представляется важным напомнить о проблеме, которая остается невидимой для большинства ученых-естественников, интересующихся историей науки. По не-

льзя позволять себе обходиться без длительных архивных поисков, просмотра сотен страниц архивных дел в поисках ответов на исследовательские вопросы, среди которых проблема тщательной реконструкции последовательности событий, составляющих канву биографии, занимает не последнее место.

Ученые прошлого должны были всё время где-то жить, добывать средства к существованию. В исторически близкое нам время они непременно должны были получить формальное образование и, если только не имели достаточных независимых источников дохода (как, например, состоятельные натуралисты-любители вроде Чарльза Дарвина), найти себе богатого патрона, определиться на службу или построить частную практику. Эти низменные аспекты их бытия, кажущиеся второстепенными в перспективе анализа «вклада в науку», крайне важны, потому что позволяют сдерживать полет фантазии биографа и помогают увидеть историю не как простую и логичную телеологическую схему, а как открытый

процесс, полный исторически случайных обстоятельств.

Например, в нашем случае из необычайно целеустремленного молодого человека, ведомого то судьбой, то государственной прозорливостью к закономерному финалу — победе над полчищами саранчи, Б. П. Уваров превращается в неустроенного сына скромного провинциального банковского служащего, жизнь которого полна неопределенности, поисков и ситуаций, в которых приходилось делать непростой выбор [3].

Он не без препятствий получил высшее образование. Сначала пришлось окончить дополнительный курс в реальном училище, без которого нельзя было поступить даже в высшую техническую школу, не то что в университет. Потом учеба в Высшем горном училище не заладилась из-за студенческих волнений революционного 1905 года. В университете человека, не сдавшего латынь по курсу классической гимназии, могли поначалу зачислить только вольнослушателем; Уваров становится студентом лишь через полгода после поступления, досдав экзамен.

По окончании университета, уже женатый и с маленьким сыном, он вынужден искать работу в непрестижной сфере прикладной энтомологии. Через год после окончания университета Уваров оказывается в Ставропольской губернии — не как опытный специалист по борьбе с саранчой, брошенный мудрым начальством на важный участок фронта, а как человек, пытающийся найти себе более приемлемое жалованье и более здоровую среду для работы (его первым местом службы была Мургабская энтомологическая станция, подчиненная Министерству Императорского двора).

Именно на Ставрополье Уварову удается впервые собрать сложную социотехническую машину истребления саранчи, основанную на наемном труде и применении инсектицидов, — заменившую прежнюю, основанную на массовой трудовой повинности и неэффективных «механических» методах уничтожения вредителя. Машину, которую он будет снова и снова собирать в Закавказье, в Северной Африке и других колониях Британской империи и за ее пределами.

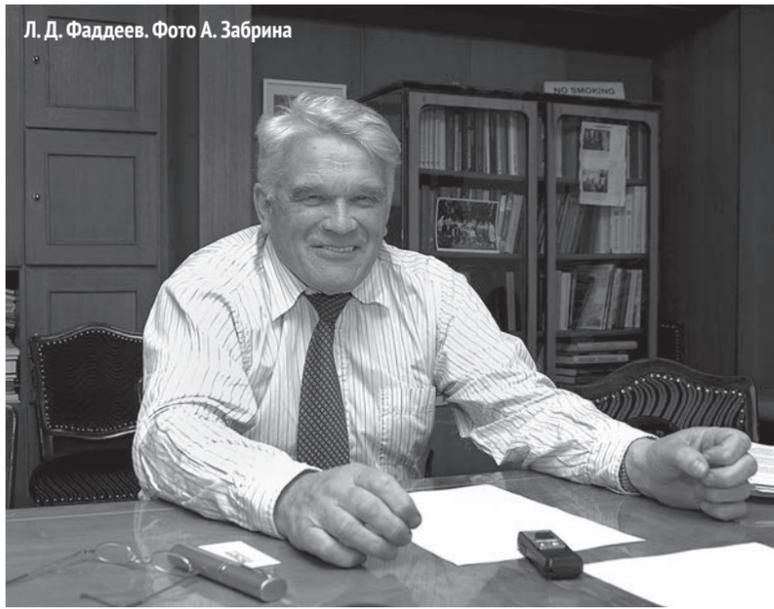
Возможно, дата рождения сама по себе не слишком важна, но как историки науки мы надеемся, что мелкие «бытовые» детали ранней биографии позволят за идеализированной фигурой блестящего ученого и организатора разглядеть живого человека.

1. В переводе на новый стиль это дает 3 ноября. 5 ноября не совпадает также с датой крещения (2/14 ноября).
2. Вуколова в данном случае — не фамилия, а архаичная форма отчества Вуколовна.
3. Подробнее о ранних годах жизни Б. П. Уварова см.: Куприянов и Федотова 2015; Fedotova & Kupriyanov 2016 библиографию в этих статьях. Куприянов А. В., Федотова А. А. «Если бы английские энтомологи собирали так же, как наши...»: первое письмо из Лондона Б. П. Уварова А. П. Семёнову-Тян-Шанскому // Историко-биологические исследования. 2015. Т. 7. No. 4. С. 124–132. <http://elibrary.ru/item.asp?id=24872750> Fedotova A. A., Kupriyanov A. V. Archival research reveals the true date of birth of the father of locust phase theory, Sir Boris Uvarov, F.R.S. // Евразийский энтомологический журнал. 2016. Vol. 15. No. 4. P. 321–327. www.eco.nsc.ru/EEJ_contents/15/201615405.pdf

Титульная страница «Записи студента имп. Санкт-Петербургского университета физико-математического факультета естественного отделения по 4й группе (биология) Бориса Уварова» (аналог зачетной книжки). Рукописные исправления показывают, что Уваров первоначально поступил в университет вольнослушателем, а весной 1907 года стал действительным студентом (ЦГИА. Ф. 14. Д. 50126. Л. 1606–17)

Людвиг Фаддеев: in memoriam

Л. Д. Фаддеев. Фото А. Забрина

Людвиг Дмитриевич Фаддеев (23 марта 1934 года, Ленинград – 26 февраля 2017 года, Санкт-Петербург) – специалист в области математической физики, действительный член Российской академии наук.

Оба родителя – математики, отец был членом-корреспондентом АН СССР. Окончил физический факультет Ленинградского университета (1956). Ученик Ольги Александровны Ладыженской и Владимира Александровича Фока. Кандидат физико-математических наук (1959); тема диссертации – «Свойства S-матрицы для рассеяния на локальном потенциале». Доктор физико-математических наук (1963), защитил диссертацию по результатам исследований в области квантовой теории рассеяния для системы трех частиц.

Профессор Ленинградского (Санкт-Петербургского) государственного университета (1967). Действительный член (академик) АН СССР (1976). Работал в Ленинградском отделении Математического института АН СССР, был заведующим лабораторией математических проблем физики. С 1976 по 2000 год – директор Ленинградского (Санкт-Петербургского) отделения Математического института имени В. А. Стеклова. С 1988 по 1992 год – директор-организатор Международного математического института имени Л. Эйлера РАН. Директор Международного математического института имени Л. Эйлера с 1993 года. В 1983–1986 годах – вице-президент, в 1987–1990-м – президент Международного математического союза. Заведовал кафедрой высшей математики и математической физики физического факультета ЛГУ/СПбГУ (до 2001 года), далее – профессор кафедры. Член президиумов РАН и Санкт-Петербургского научного центра РАН, академик-секретарь отделения математических наук РАН.

Депутат Ленинградского городского совета (1977–1987). Баллотировался в народные депутаты СССР в 1989 году. Как и многие другие академики-математики, никогда не состоял в КПСС. Почетный гражданин Санкт-Петербурга (2010).

Внес фундаментальный вклад в решение задачи трех тел в квантовой механике (уравнения Фаддеева), обратной задачи теории рассеяния для уравнения Шрёдингера в трехмерном случае, в квантование неабелевых калибровочных полей методом континуального интеграла (духи Фаддеева – Попова), в создание квантовой теории солитонов и квантового метода обратной задачи, в развитие теории квантовых групп. Автор более 200 научных трудов и пяти монографий.

вигу Дмитриевичу понравилась, и мы, как он писал после в воспоминаниях, «сразу нашли общий язык».

Я был тогда неопит, а он уже маститый ученый, но в нем не было ни капли высокомерия, и мы разговаривали вполне на равных. Мы говорили о путях развития науки, о том, что предстоит новое сближение математики и физики, которые в тот момент казались разделенными областями знания. Мы сошлись на том, что посвятим свою последующую научную жизнь реализации этого сближения. И мы исполнили это обещание по мере наших сил.

В 1967 году произошло событие, определившее ход развития математической физики на последующие десятилетия. Группой американских ученых под руководством Мартина Крускала было показано, что нелинейное волновое уравнение, найденное еще в XIX веке, – уравнение Кортевега – де Фриза – может быть точно решено при помощи математических методов, развитых в квантовой механике. Точнее, при помощи техники обратной задачи рассеяния, позволяющей восстанавливать потенциал в уравнении Шрёдингера по данным рассеяния на нем квантовых частиц. Возник широко и многосторонне развившийся и процветающий поныне метод обратной задачи рассеяния (IST: inverse scattering transform).

Мартин Крускал был нашим другом, он часто приезжал в Академгородок, и за его работами мы тщательно следили. Конечно же, мы сразу оценили значение его новой работы и кинулись ее изучать. Но для этого нужно было освоить технику обратной задачи, о которой мы в Новосибирске, честно говоря, никакого понятия не имели.

Надо сказать, что к тому времени техника обратной задачи была уже основательно развита. Приятно отметить, что это почти целиком было сделано в Советском Союзе трудами столь известных ученых, как И. М. Гельфанд и В. А. Марченко. Большой вклад внес и Людвиг Фаддеев. Его фундаментальная обзорная статья, опубликованная в «Успехах математических наук» в 1959 году, стала нашим учебником. Таким образом, я могу считать себя учеником Л. Д. Фаддеева, хотя и не принадлежу к его научной школе напрямую.

В 1960-е годы в математическом мире была очень популярна теория Колмогорова – Арнольда – Мозера (КАМ) о динамических системах, близких к интегрируемым. Понятие «интегрируемая динамическая система» было широко распространено еще в XIX веке, но после работ Пуанкаре выяснилось, что интегрируемых систем очень мало, что это воистину «штучный товар», и интерес к ним надолго угас.

Работы КАМ возродили этот интерес, и у меня возникла идея – а не является ли уравнение Кортевега – де Фриза интегрируемой системой? Я поделился этой идеей с Людвигом, он очень возбудился и посоветовал мне бросить все дела и заняться доказательством этой теоремы. Я так и поступил. Через несколько месяцев доказательство было найдено, я написал статью и послал ее Людвигу для ознакомления.

Скоро я получил следующий ответ: «Дорогой Володя, твоя идея оказалась мне настолько интересной, что я не удержался и сам занялся этой задачей. И тоже нашел доказательство, несколько отличное от твоего. Замечу, что в твоём доказательстве есть небольшая ошибка. (Так и было, но ошибка легко устранялась. – В.З.) Теперь давай решим, что делать: писать две статьи или одну совместную. Я предлагаю одну совместную».

Я без колебаний согласился, и так возникла наша статья «О полной интегрируемости уравнения Кортевега – де Фриза». На нее сейчас имеется более тысячи ссылок в научной литературе. Главным идеологическим посылом этой статьи было то, что интегрируемых систем на самом деле много, нужно только заняться их поиском.

В 1970-е годы поиск новых интегрируемых систем превратился в своеобразный спорт. К этому времени я стал доктором наук и переехал из Новосибирска в Черноголовку вместе с несколькими учениками. У меня появилась своя научная школа, мы с энтузиазмом искали новые интегрируемые системы и разрабатывали методы их решения. А у Людвиг Фаддеева уже давно была сильная научная школа в Ленинграде, и мы стали «дружить школами». Наши ученики дружили лично, часто ездили друг к другу в гости, были и совместные публикации, хотя не так много, как можно было бы ожидать.

Меня привлекала классическая физика – физика плазмы, нелинейная оптика, гидродинамика, в последнее время – физическая океанология. Любовью Людвиг Фаддеева была квантовая теория поля, в которой он получил совершенно выдающиеся результаты. Достаточно упомянуть, что он построил теорию возмущений для полей Янга – Миллса. Вполне заслуженная им Нобелевская премия досталась голландцу Хоофту, на мой взгляд, из чисто политических соображений. Неудивительно, что Людвиг стал искать квантовые интегрируемые системы и строить методы их решения. Можно без преувеличения сказать, что весь квантовый метод обратной задачи был создан в 1970–1980-е годы в Ленинграде, в школе Фаддеева.

Потом пришли «лихие девяностые», и наши птенцы стали разлетаться по всему миру. А некоторые, и весьма талантливые, покинули этот свет. Но Людвиг Дмитриевич остался верен своему Петербургу, с которым был связан множеством корней и который любил как никто другой. В эти трудные для науки годы он сумел основать Международный математический институт им. Эйлера, бессменным директором которого оставался до конца своих дней. Международные конференции и рабочие встречи, организованные этим институтом, во многом способствовали сохранению математического научного потенциала Петербурга.

Когда в 2012 году «Леннаучфильм» решил сделать фильм «Шестое чувство Людвиг Фаддеева», на съемки пригласили и меня, его давнего друга. Я очень рад, что этот фильм о замечательном ученом и благородном человеке был снят. (Видео есть в сети: www.youtube.com/watch?v=bZ3EXDwM1TY. – Ред.) Но этого недостаточно, и я очень надеюсь, что граждане Петербурга найдут способ достойно увековечить память этого великого человека.

Станислав Смирнов, лауреат Филдсовской премии, профессор Женевского университета, научный руководитель Лаборатории Чебышёва СПбГУ:

Людвиг Дмитриевич Фаддеев был одним из тех гигантов, на которых держится наука. Меня всегда поражало в нем сочетание хорошей интуиции и большого трудолюбия – он не только чувствовал, в каком направлении надо двигаться в науке, но и умел преодолевать любые технические трудности. Можно перечислить длинный список областей, которые он начал изучать или где он обеспечил прорыв для продолжения исследований. Не менее важно, что он воспитал много выдающихся математиков и физиков – не только своих студентов, но и людей вокруг себя. И его вклад в организацию науки тоже был огромен. Очень жаль, что такие люди уходят...

Николай Решетихин, профессор Калифорнийского университета в Беркли и Амстердамского университета:

Людвиг Дмитриевич Фаддеев был одним из наиболее выдающихся математических физиков своего поколения. С моей точкой зрения, он больше всего повлиял на развитие математической физики конца XX – начала XXI века. Я горжусь тем, что могу считать его своим учителем. Он был настолько интеллектуально доминирующей фигурой, что необходимо время, чтобы по-настоящему понять, что завершилась одна эпоха и наступила другая. Его вклад в науку трудно переоценить. Вместить такое огромное явление, как Л. Д. Фаддеев, в эти несколько строчек невозможно...

Евгений Александров, академик РАН, зав. лабораторией Физико-технического института им. А. Ф. Иоффе, председатель Комиссии РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований:

Его основополагающая роль в деле борьбы с лженаукой известна, возможно, только мне. В 1990 году я, отчаявшись достучаться до министра оборонной промышленности, решил предать гласности грандиозную аферу вокруг «спиновых-торсионных-микрорептонных полей». Я тогда подготовил статью для «Науки и жизни», но долго не решался ее публиковать. Советовался с Фаддеевым, который, изумившись открывшейся перед ним бездне невежества и воровства, всачески ободрил меня в моих самоожженческих планах. Без благословения Фаддеева я едва ли решил бы на это.

Всего два года назад мы в 13-м номере бюллетеня «В защиту науки», поздравляя его с 80-летием, воспроизвели его статью 23-летней давности и радовались, что его старая фотография остается адекватной его облику! Бесконечно жаль этой потери. Это был блестящий, разносторонний ученый и глубоко порядочный человек. ♦

Владимир Захаров, академик РАН, профессор Университета Аризоны, зав. сектором ФИАН им. Лебедева:

Ушел из жизни Людвиг Дмитриевич Фаддеев, ученый уникального масштаба, математик и физик-теоретик, во многом определивший лицо современной математической физики.

Первые яркие работы Людвиг сделал еще в 1950-е годы, будучи совсем молодым. А статья о квантовой задаче трех тел, опубликованная в 1960 году, когда ему было двадцать шесть лет, принесла ему международную известность. Значение этой работы столь велико, что в прошлом году Европейское физическое общество

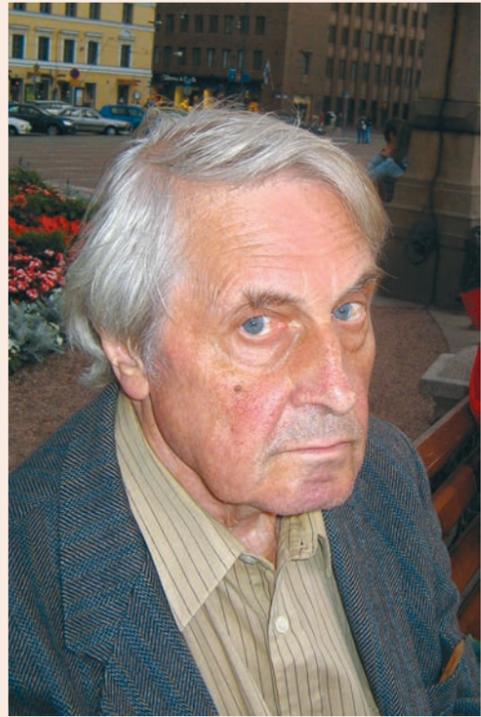
учредило специальную медаль имени Фаддеева. Ее будут присуждать за выдающиеся работы в области квантовой теории нескольких тел.

Творческая жизнь Л. Д. Фаддеева продолжалась более шестидесяти лет. Еще полгода назад, в августе прошлого года, мы вели интенсивную научную переписку, и я был восхищен и ясностью его ума, и его прекрасной памятью.

Я познакомился с Людвигом в 1964 году в Новосибирском академгородке, когда там проходил международный конгресс по дифференциальным уравнениям с частными производными. На конгресс приехали лучшие математики мира, главный доклад сделал знаменитый Рихард Курант. В то время я только что защитил дипломную работу на физическом факультете Новосибирского университета. Работа была по квантовой механике, посвящена явлению «падения на центр», то есть описанию спектра оператора Шрёдингера с сингулярным потенциалом. Работа Люд-

Памяти Сергея Бочарова

Сергей Георгиевич Бочаров (10 мая 1929 года, Москва — 6 марта 2017 года, Москва). В 1951 году окончил филологический факультет МГУ, кандидат филологических наук (1956, диссертация «Психологический анализ в сатире»). Ученик М. М. Бахтина. С 1956 года — научный сотрудник Института мировой литературы РАН. Автор книг: «Роман Л. Толстого „Война и мир“» (1963, 1971, 1978, 1987), «Поэтика Пушкина» (1974), «О художественных мирах» (1985), «Сюжеты русской литературы» (1999), «Пушкин. Краткий очерк жизни и творчества» (в соавторстве с И. З. Сурат, 2002), «Филологические сюжеты» (2007), «Генетическая память литературы» (2012), «Вещество существования» (2014). В фокусе внимания исследователя были А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Е. А. Баратынский, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, К. Н. Леонтьев, А. П. Платонов, В. Ф. Ходасевич, М. М. Бахтин.

Входил в редколлегии Академического полного собрания сочинений А. С. Пушкина (Пушкинский Дом, Санкт-Петербург), Н. В. Гоголя (ИМЛИ, Москва), словаря «Русские писатели 1800–1917» (издательство «Большая Российская энциклопедия»), член редколлегии журнала «Вопросы литературы» и общественного совета журнала «Новый мир».

Лауреат премии фонда «Литературная мысль» (1995), премии журнала «Новый мир» (1999), Новой Пушкинской премии (2006), Литературной премии Александра Солженицына (2007).

Александр Марков,
зам. декана факультета истории
искусства РГГУ, вед. науч. сотр. МГУ:

Литературовед часто делит свою деятельность на два «этажа»: невидимая для всех рутинная работа, мучительные изыскания в библиотеках и архивах, и видимый верхний этаж блистательного или хотя бы гладкого изложения. Но такие филологи, как Тьяннов, Лотман или Бочаров, сразу пускали читателя в цех, показывая и как они достигают результата, и каково достичь результата. Библиотечный труд являлся тогда частью филологического высказывания: не только полки прочитанного, но и сама проработка прочитанного, само внимание, собственное понимание стоит за каждой фразой. Это действительно остроумие на кончике пера; только не остроумие писателя-стилиста, с его прельщающей читателей необязательностью, но остроумие пытливого исследователя, который не требует останавливаться на «любимых» словах или образах, но свободно движется в мире литературы.

Именно со словом «мир» Сергей Георгиевич Бочаров и вошел в собеседование литературоведов: толкуя название «Война и мир», выпуская книгу «О художественных мирах» и от ранних до поздних работ говоря о незамеченных мирах русской мысли, русской жизни, всемирного чувства и всемирного торжества смысла. Один из первооткрывателей философии М. М. Бахтина, Бочаров понял «большое время», о котором говорил Бахтин, не просто как преодоление предрассудков эпох, даже не как свободное суждение о действительном содержании жизненного мира, но как время, в котором мир успевает сказать о себе. Это может быть очень индивидуальный мир, мирная жизнь частного человека, или мир великого писателя, или мир собеседования, или мир слова, открытого «городу и миру», — всякий такой мир должен успеть сказать о себе, не будучи заглушен насилием поспешных выводов. Это не эпохальные миры «литературных изгнанников», по Розанову, а скорее размышления вернувшихся из изгнания.

Если хоть в чем-то Бочаров был «шестидесятиником», то в этом — быть свидетелем возвращения из лагерей. Огромное внимание Бо-

чарова к наследию Л. Пумпянского, А. Бёма, ко всем подавленным Возрождениям в русской культуре, длящееся собеседование с А. Ф. Loseвым, Л. Я. Гинзбург, С. С. Аверинцевым и многими другими — шестидесятичество могло бы только мечтать о столь созидательных беседах. Не просто реабилитировать человечность, но показать достоинство человечности: цicerоновским и ренессансным достоинством Бочаров был наделен как никто.

Но «тускуланские беседы» филологических исследований Бочарова — это не отрешенный от забот досуг, а внимание ко всей палитре литературного труда. Бочаров изучал жанровое слово Пушкина, Толстого или Пруста. Любое произведение — это жанр, с особым отношением к реальности и особым способом работы с реальностью. Литература не столько открывает нам реальность, сколько показывает, сколько усилий нужно приложить и для точного созерцания, и для правильного видения происходящего, и для правильного жеста. В чем-то труды Бочарова напоминают обучение классической музыке или танцам: умение держать дыхание, держать спину, чтобы не допустить неосмотрительности жеста. Месяцы работы вовсе не ради кратковременного блистательного результата, но чтобы не упустить ничего важного ни на репетиции, ни в миг всемирной славы.

Еще одна тема С. Г. Бочарова — художественность. В советской критике «художественность» — затертое сравнение, «поэзия как живопись», ut pictura roesis; будто все книги равнодушны, как природа, и только неравнодушные герои что-то сообщают читателю. У Бочарова всегда было наоборот: герои романа заняты своими делами, писатель тоже погружен в заботы, и не только мелочные заботы суетного света, но и в заботу о композиции и конструкции целого, которую тоже нельзя назвать вполне чистой. Но автор вдруг становится еще одним героем своего романа, поэт — функцией своей же речи, философ — достойным наследником собственной мысли. Тогда «проза жизни» заговорит сама, а «поэзия жизни» потребует, по Льву Рубинштейну, «появления героя».

У другого исследователя такие события были бы просто биографическими или формальными особенностями, особенно жанровой формы. И только у С. Г. Бочарова они становились катарсическими, очищением мотива автора не только от тривиальных клише, но даже от самой искренней преданности увиденному, услышан-

ному и сказанному. Такая преданность — необходимое условие молодости; и плох тот юный ум, кто не может ночами бодрствовать ради Прекрасной дамы филологии. Филологией занимается любой влюбленный, прислушивающийся к нюансам любовной речи. Но наступает зрелость, когда такое бдение уже будет заблуждением, напряженным всматриванием во мнимые образы готовых мыслей. Тогда и требуется подход Бочарова — умение видеть, как автор сам почти исчезает в созданном им мире, показывая и всю условность этого мира, и всю действенность и оправданность создания таких художественных условностей. И появляется другая филология, уже не только чутко проживающая услышанное, но знающая, как направить слух и вкус.

«Из малого — могущественный», ex humili potens. Таков главный сюжет работ С. Г. Бочарова: вовсе не любовь к хрупким мелочам, но скорее, по слову поэта, «рассказывай еще, тебя нам слишком мало». Когда малая вещь, случайная улика или точное слово — даже не повод к большому рассказу, но скорее вдохновение для жанров бытия, волшебная шкатулка даже не с двойным и тройным, но многомерным дном речевых и жизненных жанров. Кто читает тома классики и может за пестрым фараоном речевых стратегий расслышать учащенное дыхание автора, его желание рассказывать, «покуда в жилах кровь», тот ученик С. Г. Бочарова.

Мариэтта Чудакова,
член Европейской академии,
профессор Литературного
института:

...Как долго он был молод и красив!.. И двигался необычно.

В далекие годы шла по Поварской с коллегой из Риги — по той стороне к ИМЛИ быстро шел Сергей. Я показала его приятелю. «Да Вы сами посмотрите — посмотрите же, как он идет! — воскликнул коллега. — Это же Андрей Белый!..»

Я взглянула — и увидела: да, Сергей не шел, а летел над тротуаром, удаляясь с необычной скоростью...

Еще два личных воспоминания.

1978 год, мы отмечаем дома 40-летие А. П. Чудакова. Леонид Баткин говорит: — Вот мы все, здесь собравшиеся, — мы сделали свой тяжелый выбор — мы остались...

— Почему «остались»? — Конечно! — энергично говорит Лёня. — Все мы приняли свое решение!

— За столом нашим, — говорю, — я знаю точно двух людей, которые не принимали никакого решения — они просто живут в России.

В удивлении воззрился на наш стол Лёня, и над тарелками тут же поднялись две головы и невыразительно кивнули в знак очевидного согласия со мной — это были Бочаров и Чудаков.

И более раннее воспоминание.

С осени 1964 года Чудаков работал в ИМЛИ — начиналось издание академического Чехова... Он быстро познакомился с Сергеем и очень полюбил его; да его и нельзя было не полюбить. Он стал у нас бывать. И однажды в небольшом застолье случайно возникла в разговоре моя девичья фамилия.

— Позволь! — воскликнул Серёжа. — Ты участвовала в десятом классе в олимпиаде на филфаке? — Ну да! Получила даже вторую премию (вместе с будущим однокурсником; первую не присудили)... Это еще помогло мне на собеседовании медалистов при поступлении...

— Так я проверял работы (он был в аспирантуре филфака)! И написал очень похвальную рецензию на твоё сочинение о «Медном всаднике»! Помню, ты интересно писала, что Пушкин не встает ни на сторону Петра, ни на сторону Евгения...

— Так, значит, это ты «поступил» меня на филфаке?!

И мы выпили за это дело.

...Был очень увлечен рождением дочери Ани и озабочен в связи с этим событием своим возрастом... Саша приводил примеры, среди них — возраст отца Сергея Аверинцева, когда тот родился. Из дневника Чудакова: « — Твои

примеры — 60 лет или меньше. Но не — 65 лет, когда у меня она родилась... Помнишь, мы с тобой делали доклады в Музее избобразительных искусств?.. Ира (Ирина Сурат. — М. Ч.) еще не родила, но уже была в роддоме. И ты мне написал записку — я ее храню, — где написал в конце: „Живи долго!“».

...Те, кто хотят узнать нечто тонкое, глубокое и бесспорное о Пушкине, Гоголе, Достоевском, Тютчеве, о поэтах Серебряного века, — им к работам С. Г. Бочарова. Например, к его сборнику «Филологические сюжеты» (М., 2007).

Еще в 1990-е годы он, человек глубоко православный (не чета многим прозелитам), выступил в «Новом мире» с большой статьей «О чтении Пушкина» против набравшего силу благочестивого пушкиноведения (именно этому возразить было для Сергея очень и очень важно: никто, кроме него, за щекотливую тему не решился взяться) — против известного и уважаемого им пушкиниста (тоже с нашего же, конечно, факультета). Цитировал его работы: «„Пока не требует поэта...“ — странно, чтобы замечательный, в самом деле, наш пушкинист мог говорить такое об этом стихотворении:

...„слышится в нем что-то двусмысленное, похужее на неуверенно, прикрываемую гордостью, на попытку оправдания того, что он не совсем пророк, не всегда пророк...“ Так и хочется обратить против автора слово, которое он позволяет себе иногда сказать по адресу Пушкина, — „невыносимо“. Как ему „невыносимо“ стихотворение „Дар напрасный...“, так, признаться, невыносимо читать цитированные строки. Все слова здесь психологически, нравственно, эстетически неточны, неверны. Что значит — „двусмысленное“, если мы помним стихотворение? Двойственность целовека-поэта — недвусмысленная его тема. Но в глазах пушкиниста на фоне „Пророка“ это уже как бы недостойная тема, за которую Пушкину надо перед самим собою (и, видимо, перед нами тоже) оправдываться. Невыдержанное написал он стихотворение после „Пророка“..

Невозможно здесь включиться в давний спор о пророке в прямом смысле или же о поэте в некоем абсолютном значении... Мне близко понимание Вячеслава Иванова, который в 1937 году писал: „Нет ничего менее согласного со всем строем пушкинской мысли, чем это смешение двух в корне различающихся понятий и типов... Между посвящением пророка и высшим духовным пробуждением поэта, несомненно, есть черты общие; но преобладает различие двух разных путей и двух разных видов божественного посланничества“.

Сергей Бочаров напоминает эпиграф к первой главе «Евгения Онегина» (остался в белой рукописи): «Ничто так не враждебно точности суждения, как недостаточное различение. — И продолжает: — Всегда бы нам помнить эти золотые слова, говоря о Пушкине. Ведь должны же мы все время принимать во внимание, что Пушкин одно стихотворение назвал „Пророк“, а другое — „Поэт“».

Он брался за самые сложные филологические темы — и высказывал важнейшие суждения.

В литературе немало случаев совпадений двух разных текстов разных авторов, и более поздний автор не отдает себе отчета в том, что использует текст предшествующий... Так детская повесть «Тимур и его команда» эпизод за эпизодом идет за «Капитанской дочкой» (это показано в нашей статье «Дочь командира и капитанская дочка» в сборнике в честь С. Г. Бочарова в 2004 году), а в основе двусмысленной атмосферы сцены Воланда и Маргариты, завершающейся появлением Мастера, незримо участвует сон Татьяны в «Евгении Онегине»... С. Г. Бочаров назвал подобные случаи проявлением «таинственной силы генетической литературной памяти». Он описывает «три метели, в которые напряженно вглядываются» и наконец «различают черную точку» Гринёв и Голядкин, а затем и сам Блок, пишущий «Двенадцать»... (Генетическая память литературы. Феномен «литературного припоминания», 2004.)

«...Какой светильник разума угас!..» Вот и всё. ♦

Нюансы экономики футбола

Ольга Орлова

В 1950-е годы, когда профессиональный спорт только формировался, считалось, что в Англии футболист не может получать больше шахтера. И звезды тогда зарабатывали не больше 20 фунтов в неделю. С тех пор спортивный рынок изменился до неузнаваемости. Более того, появились ученые, которые всерьез изучают этот феномен. И вот с одним из них, специалистом по экономике спорта канд. физ.-мат. наук Дмитрием Дагаевым беседует по гамбургскому счету Ольга Орлова, ведущая Общественного телевидения России.

— Я на Вас смотрю и вспоминаю фильм «Москва слезам не верит». Помните ли Вы его или нет, не знаю, но там был такой эпизод. Главная героиня, когда она уже выросла, стала директором ткацкой фабрики, к ней пришли записывать телевизионную передачу. И она начинает ее такими словами: «А сейчас я попрошу остаться у ваших экранов женщины. Мужчины могут заняться своими делами». И если бы мы с Вами записывали нашу программу лет 20 назад, мне бы пришлось сказать: «А сейчас я попрошу у экранов остаться мужчин, а женщины могут заняться своими делами, потому что мы будем говорить об экономике футбола». Но времена изменились. Теперь футболом интересуются не только женщины, но даже ученые. И это потрясающе. Пишутся диссертации, ведутся исследования. А что ученые изучают в футболе?

— Да, интерес ученых к исследованиям в области футбола, в общем-то, начался около столетия назад. И футболом интересуются представители самых разных научных дисциплин. Это и медики, и психологи, и математики, и статистики, и экономисты. И если ретроспективно взглянуть на интерес к этой области, то, наверное, раньше всех футболом начали интересоваться именно медики.

— А экономисты подключились, когда уже образовалась индустрия и заработал полноценный рынок?

— Да, действительно. Я представляю как раз экономику спорта.

— Потому что Вы как раз профессиональный экономист. Я хотела бы понять, что же экономиста может там интересовать...

— Со временем оказалось, что людям интересно не просто выполнять какой-то набор физических упражнений, а соревноваться друг с другом. После этого оказалось, что другие люди, которые не участвуют в соревнованиях, готовы платить за то, чтобы смотреть, как другие соревнуются. Потом оказалось, что некоторые люди готовы ставить свои деньги на исход тех или иных спортивных соревнований. И вот так по очереди начали появляться рынки, связанные со спортивными соревнованиями, со спортивными мероприятиями. И как только возникают рынки, возникает вопрос о том, как работают эти рынки, как их регулировать, каковы законы взаимодействия агентов на этом рынке. Спортивные экономисты как раз занимаются изучением этих вопросов.

— Я знаю, что в Высшей школе экономики есть семинар по при-

кладной экономике. И не так давно Ваша коллега, Ксения Андреева, делала там доклад по своему исследованию. Она пишет диссертацию. И в ней был такой тезис, меня очень заинтересовало это как неспециалиста. Она утверждает, что теоретические модели, которые работают в классической экономике, когда применяются к экономике футбола, вдруг не работают или работают как-то не так. Что это за наблюдение такое? Почему так?

— Дело в том, что современные экономические модели позволяют выводить абсолютно строгие с формальной точки зрения утверждения. Они основаны на наборе некоторых аксиом. И в рамках действия именно этих аксиом мы получаем те или иные закономерности, те или иные результаты. Когда мы наблюдаем на практике, что агенты ведут себя как-то по-другому или что события развиваются каким-то другим образом, это может означать, что мы в нашу модель, которая иллюстрирует этот рынок, не включили те или иные факторы. Поэтому я бы говорил не о том, что экономические модели не работают. Я бы говорил о том, что необходимы более сложные экономические модели, для того чтобы описать те или иные взаимодействия. То есть нужно включать дополнительные факторы, которые, может быть, не учитываются в простейших моделях.

— Условно говоря, игроки, владельцы, болельщики, инвесторы, покупатели спортивной продукции — это всё агенты?

— Да. И взаимодействие между ними устроено сложно. Потому что футбольный матч как таковой — это отдельное взаимодействие этих 22 игроков, которые сейчас в данный момент играют на поле. Но в то же время, если посмотреть на футбольный матч более глобально, то это и взаимодействие тренеров, которые выбирают стратегию на этот матч, и взаимодействие владельцев футбольных клубов, которые во время трансферного окна подбирают состав команды и покупают новых футболистов. И каждый из этих агентов принимает решения. А еще это федерации, которые регулируют правила проведения футбольных матчей и определяют правила проведения турниров. И это тоже стратегическое взаимодействие, которое изучают экономисты.

— Вы и Ваши коллеги пишете диссертации, ведете исследования. Они вообще востребованы этими самыми агентами рынка? Скажем, инве-

сторы или владельцы спортивных клубов этим интересуются? Им важны ваши наблюдения, заключения, выводы?

С начала XX века каждые 20–25 лет трансферная стоимость самого дорогого футболиста вырастает практически в 10 раз. Эти темпы роста существенно опережают, скажем, темпы роста мировой экономики и многих других отраслей.

— Да. Безусловно. Всё началось как раз с того, что этот рынок начал очень сильно расти. Например, достаточно привести факт, что с начала XX века каждые 20–25 лет трансферная стоимость самого дорогого футболиста вырастает практически в 10 раз. Эти темпы роста существенно опережают, скажем, темпы роста мировой экономики и многих других отраслей. И в такой ситуации возникает необходимость более точного принятия решений. Когда деньги приходят на этот рынок, то, естественно, те, кто приносит деньги, хотят распоряжаться ими правильно. Тогда и возникает интерес к исследованиям. Этот интерес возникает на самых разных уровнях, в том числе на уровне спортивных клубов. Например, если мы посмотрим современный волейбольный матч, то очень часто увидим тренера с наушником, который постоянно находится на связи со статистическим отделом, который сидит рядом на спортивной площадке.

— Что Вы говорите!

— Конечно.

— А мы по наивности думали, что это у него просто телефон-наушник...

— Нет. Он находится на связи со статистическим отделом, который в режиме онлайн анализирует, как играют соперники, и, скажем, находит игрока, который несколько раз подряд сыграл не оптимально в той или иной ситуации. Допустим, несколько раз подряд плохо принял слева. Тогда тренеру следует мгновенная подсказка.

— И он дает команде задачу.

— Да, совершенно верно. Вот из таких нюансов как раз и складывается удачный результат. Это пример того, как эти исследования востребованы на уровне спортивных клубов или национальных сборных. Но интерес возникает не только у клубов...

— А вот инвесторы, например?

— Да, совершенно верно.

— Конечно. Инвестору, перед тем как вложить деньги, нужно понять, насколько эта инвестиция будет удачной. Мы сейчас не рассматриваем случай, скажем, политических инвестиций. Такое тоже бывает. Или вопрос личного престижа. Но те инвесторы, которые приходят в спорт серьезно, как правило, пытаются проанализировать, насколько эта инвестиция будет выгодной.

— И что, они спрашивают у ученых-экономистов совета?

— Конечно. Дело в том, что многие факторы просчитываются очень хорошо. И детерминанты успеха футбольного клуба известны. Одно из больших направлений в области экономики спорта — это определение слагаемых успеха футбольных клубов. Что входит в эти слагаемые — можно отдельно долго говорить. Но, тем не менее, это помогает принимать правильные инвестиционные решения.

— Знаете, вообще футбол упоминается в этой студии. Редко, потому что у нас программа, посвященная науке. Наши гости часто недоумевают: хотя вклад многих ученых и в целом науки в развитие человечества, современную экономику в том числе, огромный, но если мы посмотрим на зарплату самых знаменитых ученых в мире (я не говорю — в России), то топовый ученый получает, скажем, 1 млн долл. в год. Это ученый мирового уровня, его все знают. В футболе же миллион в год — это зарплата, скорее всего, такого игрока, которого мы даже и не знаем. Потому что там речь идет совсем о других суммах. И возникает недоумение: почему им так много платят и почему их

— Футбол доступен всем.

— Вопрос в привлечении новых покупателей. Продать ту или иную рекламу, например, после того как пришла новая суперзвезда в футбольный клуб, становится существенно проще. И именно это объясняет несоизмеримо большую зарплату игрока.

— То есть если в университет приходит ученый — нобелевский лауреат, то, скорее всего, поток абитуриентов туда увеличится, но все-таки это не сотни тысяч.

— Да, совершенно верно. На самом деле есть и другой феномен. Мы сравниваем высокие зарплаты. Но, конечно, когда мы говорим о сверхвысоких зарплатах, то мы имеем в виду очень небольшое количество футболистов. Я Вас уверяю, что если посмотреть на общее число людей, которые занимаются футболом, то, скажем, медианная зарплата у них будет вполне разумной. Не такой большой. И вот это так называемая экономика суперзвезд, когда возникает такой эффект, что футболист, который, условно говоря, в три раза лучше, чем другой футболист, не ровно в три раза дороже, чем этот футболист. Потому что в команде ограниченное число позиций. Их 11. И нет выбора: купить одного хорошего футболиста или трех других. Не получится поставить на поле в три раза больше других футболистов. И именно это объясняет возрастающую отдачу от уровня игры. Чем лучше играет футболист, тем выше — существенно выше — его зарплата. И этот рост непропорционален.

— Причем она может быть выше и по отношению к тем, кто в команде.

Год	Игрок	Откуда	Куда	Стоимость трансфера
1893	Willie Groves	West Bromwich Albion	Aston Villa	100
1905	Alf Common	Sunderland	Middlesbrough	1 000
1928	David Jack	Bolton Wanderers	Arsenal	10 890
1963	Luis Suárez	Barcelona	Inter	152 000
1975	Giuseppe Savoldi	Bologna	Napoli	1 200 000
1992	Jean-Pierre Papin	Marseille	Milan	10 000 000
2016	Paul Pogba	Juventus	MU	89 500 000

Некоторые самые дорогие трансферы игроков в истории футбола (цены в фунтах стерлингов). Авторство: Высшая школа экономики, 2016

продают и покупают по таким ценам? Расскажите про зарплаты футболистов. Откуда они вообще возникают? И расскажите про трансферные стоимости. Откуда они берутся?

— Да, конечно.

— Хочу начать с того, почему, если сравнивать зарплату ученого и зарплату футболиста, то иногда мы увидим такие разные цифры. Одно из наиболее частых объяснений этому состоит в следующем. Хороший футболист, действительно суперзвезда...

— Можете называть фамилии...

— Я абстрактного хорошего футболиста имею в виду. Он, приходя в ту или иную команду, способен привлечь миллионы болельщиков к просмотру игр этой команды. Ученый вольно или невольно ограничен в своей аудитории. Это могут быть, например, слушатели лекции. Или онлайн-слушатели того или иного курса. Как правило, это гораздо меньшая аудитория, чем аудитория футбольного клуба — болельщики.

— То есть Вы просто хотите сказать, что футбол может смотреть каждый, а понять, что говорит ученый, — нет? И каждый, кто смотрит футбол, понимает, что происходит. А порог вхождения в научную лекцию довольно высокий.

— Это еще хоть как-то можно понять. Но есть и другая вещь. Смотрите, мы берем рейтинг самых высокооплачиваемых игроков мира. Карлос Тевес играет в китайском «Шанхай Шэньхуа». Это не самый известный игрок. Эту команду вообще многие не знают. Я уверена, что в нашей студии (здесь много мужчин-операторов), может, и не знают такой команды. Однако у него топовая зарплата: 40 млн евро. Откуда?

— Китайская история — это действительно некоторый феномен последнего года, может быть, последних двух-трех лет. Но, с точки зрения экономиста, ничего удивительного тут нет. Когда новая фирма (или в данном случае новый футбольный клуб) хочет выйти на рынок (а появление китайских футбольных клубов я воспринимаю именно как появление нового большого футбольного рынка), для того чтобы привлечь хороших игроков на этот рынок, нужно сначала чуть дороже (или, может быть, даже не чуть дороже, а сильно дороже), чем это действительно того стоило бы, заплатить за нескольких футболистов, на которых люди потом будут ориентироваться при принятии решений о переходе в китайскую лигу. Ведь если ты уже ▶

Дмитрий Дагаев родился в 1985 году в Москве. В 2006 году окончил механико-математический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, в 2008 году — российскую экономическую школу. В 2011 году защитил кандидатскую диссертацию по дискретной математике и математической кибернетике. С 2010 года работает в Высшей школе экономики. Активный участник школьного олимпиадного движения по экономике. Автор более 10 научных публикаций. Сфера научных интересов включает теорию турниров, теорию игр и экономику спорта.

► будешь знать, что в китайской лиге играет Карлос Тевес или что один из клубов тренирует Андре Виллаш-Боаш, то желание перейти в такую лигу будет существенно больше.

И через какое-то время, если у китайцев всё пойдет удачно... Почему я делаю эту оговорку? Можно вспомнить пример махачкалинского «Анжи», когда Керимов захотел построить большой футбольный клуб и в течение нескольких лет активно привлекал действительно звездных футболистов — Роберто Карлоса, Самюэля Это'о. Спустя какое-то время, видимо, интерес к этому проекту пропал — и всё мгновенно рухнуло. В случае китайской лиги есть та же самая опасность. Очень интересно посмотреть, что будет дальше. Если интерес останется, если это серьезные люди, которые пришли надолго, то тогда мы можем получить новый рынок с сотнями миллионов потенциальных зрителей.

— Дмитрий, есть история китайского образовательного рынка, история китайских университетов за последние 20 лет. Там они двигаются довольно последовательно. Нельзя сказать, что сегодня вложили в университет деньги, привлекли иностранных ученых, завтра забыли программу и закрыли.

— Действительно, чтобы построить какую-то устойчивую систему, нужно начинать в том числе развивать детские спортивные школы, выращивать собственных футболистов. Но для того чтобы подать пример, нужно, чтобы дети ориентировались на каких-то звезд, которые играют рядом, у которых можно попросить автограф. И покупка, например, дорогостоящих футболистов — это как раз один из способов повысить интерес к занятию спортом. Если посмотреть на «Краснодар», это в каком-то смысле антипод «Анжи». Владелец команды выстраивает клуб...

— Это Сергей Галицкий, бизнесмен.

— Да. Он выстраивает команду начиная с самых базовых уровней. Детки приходят в возрасте шести-семи лет. Играют сначала за детские, потом за юношеские команды. Потихоньку подключаются к основным командам. Такая система гораздо более устойчива к стрессу из-за внешних факторов — будь то изменение курса валют (когда вдруг звезды, столкнувшись с девальвацией национальной валюты, просто решают отказаться от выполнения контракта) или потеря у владельца интереса ко всему проекту. Вот такая система более стабильна, более устойчива. И именно поэтому в такие проекты почему-то верится больше. И то, как это будет развиваться у китайцев, очень интересно. Вы провели сравнение с образовательным рынком. И в общем-то, всё очень похоже, потому что инвестиции на начальном уровне у китайцев на то, чтобы пригласить ведущих ученых, на то, чтобы отправить своих студентов получать стипендии в ведущих мировых университетах и потом вернуть их назад, — инвестиции в эти программы очень большие. Но только так можно построить сильный современный университет. И только так можно привлечь новых мотивированных, сильных абитуриентов к выбору китайских, а не хороших зарубежных университетов.

И с футболом, я думаю, получится точно так же. Китайские футболисты, которые выходят на определенный уровень, будут видеть, что им интересно оставаться в национальной лиге, потому что рядом с ними играют великие игроки, их тренируют сильные тренеры. И поэтому, сравнивая несколько альтернатив, в частности альтернативу переезда в европейские или американские лиги, они более охотно будут оставаться дома. Поэтому аналогия, мне кажется, работает.

— Знаете, когда Вы рассказывали об особенностях китайского футбольного рынка, мы ведь не затронули еще один момент — трансферную стоимость. Потому что одно дело — сколько игроку платят, а другое — за сколько те же китайцы его покупают. Расскажите, как принимаются эти решения, откуда берется эта стоимость.

— Современная сделка по переходу игрока из клуба в клуб включает три стороны: сам игрок; клуб, из которого переходит игрок; и клуб, в который переходит игрок. И они должны договориться между собой и согласовать как все условия трансферной стоимости — сколько новый клуб платит старому клубу за передачу прав на этого игрока, — так и индивидуальные условия контракта с этим игроком.

Так было не всегда. Например, до 1990 года свободные переходы игроков из одного клуба в другой были практически невозможны. И только дело Босмана [1] отменило это правило. С этой точки зрения трансферный рынок тоже меняется, эволюционирует. Сейчас он стал достаточно свободным и конкурентным. Скажем, если мы еще на 30 лет назад откатимся, то до 1961 года, например, в английской лиге действовал потолок зарплаты: около 20 фунтов стерлингов в неделю. И только протест самих футболистов в корне изменил эту систему. Потолок зарплат был отменен.

Сейчас ограничений еще меньше, но они по-прежнему существуют. В разных странах, например, действуют квоты на число легионеров. Тем не менее рынок стал свободнее. А в таких условиях трансферная стоимость и зарплата игрока, как правило, определяются его способностями.

Трансферная стоимость и зарплата — это не всегда одно и то же. Потому что, например, если у игрока осталось полгода до истечения контракта с текущим клубом, то он задорого продан быть не может, потому что у него есть альтернатива — через полгода уйти забесплатно. Поэтому это один из факторов, который влияет на трансферную стоимость. Но, тем не менее, зарплата его в этот момент будет определяться не тем, как долго действует его контракт с текущим клубом, а тем, сколько голов он забивает, насколько он представлен в медиа. И это тоже один из факторов, которые влияют на зарплату игрока.

— То есть если, допустим, игрок начинает играть хуже, но при этом медийно популярен и очень востребован в рекламных проектах, то всё равно зарплата у него будет достаточно высокая?

— При прочих равных тот, кто больше представлен, раскручен в медиа, конечно, будет иметь более высокую зарплату. И, опять, с точки зрения экономиста, ничего удивительного, потому что это больший потенциальный рынок, большее число потребителей.

— Извините, личный вопрос. Вы ученый, Вы это изучаете. А Вам лично, самому это не обидно? Вас это не задевает?

— «Обидно» — это немножко неправильное слово.

— Вы все-таки живой человек.

— Если ты чем-то недоволен, выходи на футбольное поле и показывай, насколько хорошо ты играешь. Ни перед кем эта дорожка не закрыта. Поэтому «обидно» здесь неправильное слово. Мне интересно делать то, чем я занимаюсь, исследовать этот рынок. Набор качеств, набор компетенций у каждого из нас различается. Но я бы сказал, что мы — футболисты, ученые, болельщики — делаем одно дело. Действуя вместе, мы и создаем этот футбольный рынок и делаем его лучше, делаем его более правильно организованным.

— А Вы сами за кого-нибудь болеете? Вы вообще футбольный болельщик?

— Я поддерживаю российские футбольные клубы в международных матчах, да.

— Вообще все? Или у вас есть какие-то предпочтения?

— В международных матчах — все.

— Любый российский клуб?

— Да.

— А внутри, в российском чемпионате, у Вас есть пристрастия?

— Есть. Но, как и подобает ученому, я от этих пристрастий абстрагируюсь. Делая те или иные выводы, анализируя те или иные вопросы, я стараюсь не думать о том, за кого я болею.

— Спасибо Вам огромное.

1. https://en.wikipedia.org/wiki/Bosman_ruling

Заря импрессионизма: Фредерик Базиль

Ревекка Фрумкина

Ревекка Фрумкина

Французский художник Фредерик Базиль (Jean-Frédéric Bazille; 1841–1870) погиб на Франко-прусской войне в расцвете сил: с момента его признания до его гибели прошло всего семь лет. Базиль оставил около 60 законченных работ, которые впервые были показаны публике на Осеннем салоне в Париже в 1910 году.

Недавно в музее Орсе в Париже состоялась большая выставка Базиль. Ее задачей было как можно более полно показать наследие художника и очертить его место во французской живописи — прежде всего в становлении импрессионизма. Поэтому экспозиция включала как работы старших современников Базиль (Делакруа, Курбе), так и картины его друзей и коллег — Моне, Ренуара, Сислея и др.

Жан-Фредерик Базиль родился в 1841 году в Монпелье в семье крупных землевладельцев. Его родители были образованными людьми; среди друзей семьи был, в частности, Альфред Брюйас (Alfred Bruyas), владелец значительной коллекции французской живописи.

В 1859 году Базиль получил степень бакалавра и намеревался посвятить себя живописи; родители же настояли на том, чтобы он выбрал медицину. Вплоть до 1862 года Базиль мог рисовать только в свободное время. Наконец родители согласились на то, чтобы в дальнейшем он учился в Париже. Это дало Базилью воз-

можность оставить медицину и полностью посвятить себя живописи.

Базиль успешно работал в разных жанрах — это пейзаж, портрет, натюрморт, жанровые сцены. Замечательно его умение передавать пространство, световоздушную среду.

На выставке в музее Орсе совмещены два способа экспозиции живописи — тематический и хронологический. Это позволяет показать работы Базиль вместе с работами его знаменитых современников, в том числе старших — Делакруа, Курбе, — и картинами его друзей и ровесников — Моне, Ренуара, Мане, Сесанна, Сислея.

Примечательна подготовительная работа, проделанная организаторами. К выставке в музее Орсе были сделаны по меньшей мере три документальных филь-

Портрет Эдмона Мэтра. 1869

Негритянка с пионами. 1870

ма — трехминутный анонс, 10-минутное введение и подробная часовая лекция о Базиле и его окружении (всё это доступно в Сети). Разумеется, сначала была разработана концепция выставки — заметим, задача с неочевидным решением: попробуйте показать взаимодействие внутри круга авторов, давно имеющих статус классиков.

Автопортрет. 1865–1866

Городок. 1868

возможность оставить медицину и полностью посвятить себя живописи.

В Париже Базиль начал посещать мастерскую известного художника и педагога Шарля Глея (Charles Gleyre), где он познакомился со своими ровесниками: Ренуаром, Сислеем и Моне. В дальнейшем Базиль и Моне связывали близкие дружеские отношения; они вместе арендовали студию; Базиль помогал Моне деньгами, как, впрочем, и другим художникам.

Базиль страстно любил музыку; и это было отнюдь не поверхностное увлечение — он некоторое время успешно учился фортепиано у Габриэля Форэ; страсть к музыке Базиль разделял со своим другом, музыкантом и коллекционером Эдмоном Мэтром (Edmond Maître), портрет которого он нам оставил.

Лето. 1869

Фильм-лекция мне показался очень удачным: в нем нет ничего лишнего; авторы счастливо избежали сентиментальности, которую прямо-таки провоцирует трагическая судьба Базилья. Остается неясным, что побудило художника записаться в корпус зуавов; известно, что погиб он в сражении при Бон-Ла-Роланд, пытаясь защитить женщин и детей, укрывавшихся от атаки прусской армии. ♦

Европейский университет: закрывать нельзя оставить

Иногда возникает впечатление, что сейчас мало кто следит за тем, что происходит вокруг Европейского университета в Санкт-Петербурге (в том числе среди научно-образовательного сообщества), и еще меньше людей знают подробности ситуации. Коллеги из ЕУСПб говорят, что они тоже не очень понимают, кто заказчик атаки на университет. В то же время последнее расследование Алексея Навального «Он вам не Димон» [1] дает основания для довольно убедительного объяснения многих странностей: здание Европейского университета, бывший особняк графа Кушелёва-Безбородко, примыкает к особняку с автолифтом, который Фонд борьбы с коррупцией относит к числу активов премьер-министра Медведева.

ЕУСПб реально могут закрыть. За последние несколько месяцев претензии к вузу неожиданно нашлись у более десятка надзорных органов, — и хотя многие удалось снять, некоторые дошли до суда: 15 марта 2017 года — суд по вопросу выселения из здания, 20 марта — суд по иску Рособнадзора. ТрВ-Наука обратился к своим авторам с просьбой ответить на вопрос, почему так важно сохранить университет. Публикуем поступившие отклики.

Камень преткновения — здание Европейского университета?
Фото М. Буева

Никита Соколов,
председатель Совета
Вольного исторического
общества:

Будучи в течение с лишком 10 лет редактором журналов, претендующих не только на популярность, но и научную основательность («Отечественные записки» и «Во круг света»), и ныне по должности заместителя исполнительного директора Президентского фонда Б.Н. Ельцина по научной работе (к которой приходится привлекать сторонних специалистов), я постоянно занят поиском наилучших авторов и сотрудников.

При этом неизменно обнаруживалось, что наиболее сведущие специалисты в области обществоведения и, шире, гуманитарного знания, в весьма значительной части оказываются профессорами и преподавателями Европейского университета в Санкт-Петербурге, учреждения по своему профессорско-преподавательскому составу сравнительно немногочисленного.

Такая концентрация специалистов высокого уровня, на мой взгляд, позволяет без большого преувеличения говорить о создании в России научно-учебного центра совершенно нового типа и мирового уровня. Разрушение такого центра, какие бы цели оно ни преследовало и как бы ни мотивировалось, будет иметь самые печальные долгосрочные последствия для отечественной высшей школы и науки.

Сергей Зенкин, главный
научный сотрудник РГГУ,
докт. филол. наук:

Я несколько раз бывал и выступал в Европейском университете. Это уникальный по своему типу университет — маленький, эксцентрически расположенный (в Петербурге, а не Москве) и нацеленный не на количественный «валовой продукт» и не на разрастание вширь, а на высший уровень качества, на подготовку специалистов мирового класса. Причем это не какая-то закрытая ведомственная школа, а негосударственное заведение, в принципе открытое для всех; даже вход без пропусков, о чем забыли в большинстве российских вузов. Сравнения всегда хромают, но в гуманитарных науках ближай-

шим функциональным аналогом ЕУ была, пожалуй, филологическая школа Тартуского университета в лучшие ее времена.

То, что сегодня университет подвергается грубому давлению, за которым все яснее просматриваются рейдерские интриги влиятельных владельцев соседнего здания, — это акт бессовестной и безрассудной агрессии со стороны властно-денежной элиты против элиты интеллектуальной, попытка материально поживиться, наплевав на ум и знание. А исторические надежды России связаны только с ними: деньги кончатся, власть ослабнет, и где тогда искать умных и образованных?

Борис Долгин, научный
редактор «Полит.ру»:

Говорить о ЕУСПб и просто, и трудно. Можно отделаться констатацией очевидного — один из ведущих (и очень редких в этом статусе) российских вузов в сфере социально-гуманитарного знания, соединяющий в своей деятельности образование, науку, просвещение и экспертно-аналитическую деятельность.

Можно вспомнить о том, что ЕУ является лидером среди всех немосковских площадок, поставляющих лекторов для публичных лекций «Полит.ру» (даже если вычесть лекции солидарности периода «пожарного кризиса» и нынешней атаки на вуз). Можно сказать, что это один из немногих проектов периода бури и натиска в российском образовании, который сейчас не только не выдыхается, но постоянно порождает что-то новое.

Не бывает ровных вузов или научных институций (кроме откровенно мусорных), но плотность качественного здесь куда выше, чем могут позволить себе многие другие. Если Европейский будет уничтожен, плохо будет всем — и остальным из числа лучших, и обществу в целом.

Косплеящие реакцию (от англ. costume play: «маскарад». — Ред.) не борются с революцией — они успешно подкармливают ее дух. Опытом глупости сильных и бессилия достойных. Невозможностью отсидеться вдали от бурь в роли чудаковатого ученого или честного профессионала. Уничтожением единственной долгосрочной альтернативы — шанса на реформы.

1/ <https://dimon.navalny.com>

На защите интересов социолога

Дмитрий Rogozin,
канд. соц. наук, Институт социального
анализа и прогнозирования РАНХиГС

Два года назад ВЦИОМ выступил инициатором разработки профессионального стандарта социолога. Инициатива конъюнктурная, направленная на реализацию общегосударственной программы всеобщей стандартизации страны. Действующие нормативные акты в наших землях есть — самый убедительный аргумент инициативности — и убедить никого не пришлось. Вскоре подключились социологи «Вышки», Института социологии РАН, представители региональных исследовательских компаний. Если поставлена задача на уровне правительства, следует выполнять, иначе выполняют другие — такова беспроектная логика текущих игр в общественно значимые проекты. Удивляться здесь нечему: государство у нас — единственный легитимный новатор.

Не берусь рассуждать о подготовленных документах. Прагматика их появления на свет далека от полевой работы, в которой хотя бы понимаю чуть больше случайного прохожего. Нормотворчество притягивает людей особого склада, создавая надежные оградительные барьеры для остальных. Но нельзя пройти мимо весьма любопытной детали — компетенции интервьюеров, реально выполняющих работу по сбору данных, представлены лишь в списках, через запятую с наблюдателями, модераторами и операторами. Именно на эту бессмертную идею всеобщего социологического знания и его носителя — социолога — позвольте обратить внимание.

Бессмертие идей обозначается в публичном дискурсе нечувствительностью к корпоративным интересам, безразличием к профессиональным или образовательным статусам. Бессмертие идей проявлено в их очевидности, непроблематичности, я бы сказал, скучности — «есть дела и поважнее». Итак — раз, два, три — попробуй, интервьюер, поговори.

Раз: у тебя нет голоса, ты сам понимаешь, что ты никто.

Мужчина за шестьдесят, двадцать лет проработавший механиком на судах дальнего плавания, не усидел на диване, забрел в звонковый центр, стал профессиональным интервьюером: *Есть профессии публичные, на виду. Водитель автобуса, продавец, полицейский. О них все знают, говорят. А есть невидимые, незаметные. Взять моряков. Мало кто отдает себе отчет в том, что каждую минуту тысячи судов в море. Но есть желание — можно увидеть. Например, есть такая карта MapAIS. На ней все суда, которые в пути, как на ладони. Взять интервьюера. Кто о нем знает? Иногда по телевизору мелькнет: «по данным Левада-Центра» или «ВЦИОМ». А сотни компаний вроде нашей — сущие невидимки. Занимаемся публичными вопросами, а сами как шпионы, в тени. О каком доверии, соучастии в опросе может идти речь, если люди даже не догадываются о нашем существовании?*

Два: твоя задача — конвертировать возмущение в череду конвенциональных нарушений, которые делать нельзя, но без которых не обойтись.

Женщина средних лет, разведена, подрастает дочка. Интервьюер со стажем. Буднично и незэмоционально рассказывает о разговорах с новичками в профессии: *Порой новенькая пройдет анкету и начнет возмущаться: «Что там за люди сидят?! Какую ахиюню придумывают?!» Я тут же урезоню: «Успокойся. У каждого — свои мозги, свой хлеб». Так разве успокоится: «И мне бабушке восьмидесятилетней зачитывать, не работает ли она или не сидит ли в декретном отпуске?» — «Ты зачитай — и всё. Больше спорить. Хочется им, пусть слушают».*

Хороших вопросов не бывает. Порой приходится интервьюерам и между собой ре-монтировать осмысленность диалога. Приписать невменяемость составителям анкеты — хорошее средство для умиротворения эмоций и успокоения разыгравшихся страстей. Три: будь собой, строй свой мир, не забегай за линию начальствующего Социолога.

Прислушиваюсь к молодой маме, для которой особое значение имеет свободный график с максимальной загрузкой: *Первое время за телефоном был какой-то кошмар! Не мое, казалось, не выдержу. Как можно навязываться на разговор к незнакомому? Если кто отказал, так просто беда. Грубым словом покрыв — трагедия. Но ничего, переболела неверием, выправилась. По профессии я учитель, потому взяла дисциплиной. Учителя никогда не опаздывают, не имеют права на слабость. Приходила на работу за пять минут до смены. Выспалась — не выспалась, поела — не поела, но улыбнулась и вперед. Бывали проколы. Однажды заказчик запротестовал. Попросил меня снять с опроса, потому что в трубку зевала. Мужу плохо было, всю ночь со скорой бежали. Но если я записалась, то пришла. Дисциплина прежде всего.*

В унисон слова юриста, оказавшегося на мели — и записавшегося в интервьюеры: *Я обычно приземляю людей с точки зрения закона и просто здравого смысла. Профессия юриста оставляет отпечаток. Потому к работе интервьюера отношусь куда серьезней многих. Если задача состоит в сборе голосов, мнений, — малейшие отклонения, сбои в разговоре могут многое испортить. Ведь никто, кроме интервьюера, не видит, не знает, как человек отвечает: в каком настроении, расположении, в каких обстоятельствах. В анкете ничего такого нет. Многие махнут рукой, внесут, что есть, нажмут кнопку «завершить», анкета уйдет в базу. Я лучше остановлю интервью, сама прерву разговор, если вижу, что человек смеется, комедию ломает, не относится серьезно к вопросам. Приближать людей к реальности — мое кредо.*

Зачем нужен профстандарт социолога? Очевидно, «для защиты корпоративных профессиональных интересов» (см. [1]). Защищаться нужно от государства, чтобы в лице Министерства образования оно не навязало очередную невнятицу образовательных стандартов, в лице расторопных чиновников иных министерств и ведомств — не лило выгодный тендер исполнителям вне устоявшейся корпорации. Защищаться нужно от народа. Иначе нет доверия, а борьба за доверие — это лучшая защита собственных интересов. Защищаться нужно от интеллигенции, время от времени проявляющей внимание к результатам опросов, ибо ее внимание зачастую неудобно и двусмысленно. Но самое главное — защищаться следует от интервьюеров, их повседневной рациональности, их решений и действий, их коммуникации с респондентами.

Иначе интервьюер может заговорить. К чему это приведет? Раз — будет разрушена монополия на общественное мнение, приписанная «большой тройке» московских опросных компаний. Два — возникнут ограничения на вопросы. Окажется, что не каждый чих чиновника, подкрепленный весомым бюджетом, может быть оформлен анкетным вопросом. Безусловно, обо всем можно спросить, но не всё поддается ответу — и тем более интерпретации. Три — сложное станет защищать тотальность стандартизации, невозможным может оказаться тотализаризм в производстве общественного мнения. Без этого образ великого Социолога меркнет, место его сжимается, влияние падает — и статус усыхает. Для интервьюера кредо — «приземлять к реальности», для Социолога — защищать корпоративные профессиональные интересы.

1. http://wciom.ru/nauka_i_obrazovanie/professionalnyi_standart_sociologa/
дата обращения: 6.03.2017

Деменция пасует перед образованием

Наталья Резник

Население Земли стареет, а с возрастом приходят болезни, в том числе сенильная деменция, или старческое слабоумие. Так называют ослабление памяти и когнитивных функций, развившееся в результате гибели нейронов головного мозга. Нарушения настолько сильны, что люди не могут жить самостоятельно. По данным Всемирной ассоциации здравоохранения, старческой деменцией страдают более 46 млн человек, и специалисты ожидают, что к 2050 году число больных увеличится почти втрое. Однако в некоторых развитых странах старческая деменция за последние четверть века, вопреки прогнозам, стала отступать.

Так, в Англии с 1991 по 2011 годы число заболеваний оказалось на 24% меньше ожидаемого, а это около 200 тыс. случаев. Среди пожилых участников программы Framingham Heart Study, которую для выяснения факторов риска сердечно-сосудистых заболеваний проводят с 1948 года

лечить. В частности, медики научились эффективно предотвращать инсульты и инфаркты у больных диабетом, следовательно, снижается и риск развития деменции из-за недостаточного кровоснабжения или гибели участков мозга. Во-вторых, на распространенность деменции повлиял растущий уровень образования. И дело не только в том, что длительная стимуляция мозговой активности позволяет создать когнитивный резерв, то есть способность мозга справляться с последствиями его повреждения. Более высокий уровень образования чаще ассоциируется со здоровым образом жизни, то есть физической активностью, правильным питанием, отказом от курения, с более интеллектуальными занятиями и доступом к хорошему медицинскому обслуживанию. Каждый из этих факторов снижает вероятность развития деменции.

Все эти соображения высказывались неоднократно и подтверждены многими исследованиями. Свой вклад в постижение причин возрастной деменции внесли и специалисты Мичиганского университета. Они действовали в рамках проводимого ими масштабного исследования Health and Retirement Study (HRS), начатого в 1992 году и собирающего данные о здоровье, умственных способностях, семейном положении, занятиях и материальном достатке жителей Соединенных Штатов 65 лет и старше. HRS наблюдает за судьбой участников до их смерти, и в исследование регулярно включают новых людей. Ученых интересовало, как изменилась заболеваемость старческой деменцией в США между 2000 и 2012 годами. В 2000 году они опросили 10 546 респондентов, спустя 12 лет — 10 516. Если пожилой человек не мог пройти тестирование, исследователи старались найти близкого родственника, который мог бы ответить на вопросы. Такого стороннего информатора по возможности находили и в том случае, когда участник мог сам ответить на вопросы теста, — для большей объективности.

Результаты исследования подтвердили известную тенденцию. За 12 лет распространенность старческой деменции в США снизилась с 11,6% до 8,9%. Сократилась и доля менее выраженных возрастных когнитивных нарушений: с 21,2% до 18,8%. Средний возраст участников исследова-

ния не изменился, он равен примерно 75 годам, однако в когорте 2012 года выше доля людей старше 85 лет.

Снижение уровня деменции действительно сопровождается ростом образованности американцев. В 2000 году 32,6% опрошенных не имели законченного среднего образования, и только 16,6% отучились более 16 лет, получив высшее образование; в 2012 году таких людей было 20,6% и 23,6%, соответственно. Среднее количество лет, потраченных человеком на обучение, увеличилось примерно на год. Исследователи ограничились этим формальным показателем, не уточняя, чему именно учились участники опроса и насколько хорошо.

Распространенность сердечно-сосудистых заболеваний выросла за 12 лет с 29,1% до 31,6%, при этом частота инсультов осталась прежней. Действительно, медицина научилась поддерживать сосуды в относительно приличном состоянии.

Гораздо больше стало пожилых людей с ожирением и диабетом. Ожирение, оказывается, снижает риск деменции, но только в случае, когда развилось в старости. Возникнув в середине жизни, оно может увеличить риск когнитивных нарушений в будущем.

Диабет чреват сосудистыми нарушениями и повышает риск развития деменции на 39%. Распространенность диабета среди участников опроса выросла с 16,4% до 24,7%, однако болеют они не так тяжело, как раньше, потому что лучше лечатся. Доля больных диабетиками, принимающих лекарства, увеличилась с 86% до 90%; до инсультов, сердечной недостаточности и ампутаций дело у них, как правило, не доходит.

Социально-экономические факторы, связанные с уровнем образования, уровнем доходов и расовой принадлежностью хотя и влияют на вероятность развития деменции, не объясняют различий между двумя когортами.

Безусловно, прогресс в лечении сердечно-сосудистых заболеваний и диабета сыграл не последнюю роль в борьбе с деменцией. Однако полный набор социальных, поведенческих и медицинских факторов, влияющих на распространение деменции, еще не установлен. В частности, сами исследователи не учитывали генетическую предрасположенность к успешному обучению и риску развития когнитивных нарушений.

Тем не менее исследователи полагают, что когнитивный резерв, возникающий в результате длительного, рано начатого обучения позволит снизить риск деменции. И этот рецепт годится для любой страны мира.

1. Langa K. M., Larson E. B., Crimmins E. M., Faul J. D., Levine D. A., Kabeto M. U., Weir D. R. A Comparison of the Prevalence of Dementia in the United States in 2000 and 2012 // JAMA Intern Med. 2016. doi:10.1001/jamainternmed.2016.6807

Три богатыря

Уважаемая редакция!

Как известно, суровые времена встречаются не столь уж редко. И в такие времена особо важна роль личности в истории: простые, заурядные люди не могут совладать с ситуацией, только великие личности могут помочь выстоять своему клану, стране и народу. Все мы знаем, что России не стало бы, если бы после окаянных 1990-х у руля не оказался Владимир Владимирович Путин. Точно так же не возникла бы Россия, если бы не было князя Владимира, прозванного в былинах Красным Солнышком, и не было бы богатырей русских.

Нелегкие, крутые и переломные времена переживает сейчас Академия наук: реформирование РАН, поиск своего места под солнцем и пропавшего второго управленческого ключа. Только что избрав в свои ряды новых членов, академики теперь встали перед судьбоносным выбором — им вскоре надлежит определить, кто возглавит Академию. Именно этому человеку предстоит дать ответ на вопросы, какой быть РАН в новых условиях, какое она должна иметь отношение к институтам ФАНО, как можно взять на себя бразды правления развитием фундаментальной науки в России, а также на многие другие.

Как и в былинах, на защиту Академии спешат три богатыря: академики Александр Александрович Макаров, Владислав Яковлевич Панченко и, конечно, Владимир Евгеньевич Фортон. Эти три академика удивительно точно воспроизводят былинные архетипы богатырей, и мы без всяких сомнений можем указать, кто из них современный Илья Муромец, кто — Добрыня Никитич, а кто — Алёша Попович.

Без всяких колебаний старшим богатырем и по должности, и по возрасту является Владимир Фортон — академический Илья Муромец. Добрыня Никитич — это, конечно, Александр Макаров, преуспевший в борьбе со Змеем коррупционно-блатных министерских ФЦП, так сказать, с немалой для своей науки и своего института выгодой.

Наконец, Владислав Панченко — это, безусловно, Алёша Попович. Как хитроумный Алёша был поповым сыном, так и мудрый Владислав Панченко является, так сказать, духовным сыном гурь отечественной науки, великого пророка нано-био-инфо-когни-гуманитарной парадигмической революции.

Есть, конечно, определенное отличие от времен былинных: богатырям предстоит сражаться не со Змеем Горынычем и не с Идолищем Поганым, а друг с другом, да и оружием их будут не мечи-кладенцы и булавы, а слова, программы и закулисные интриги. Но, с другой стороны, напряжение борьбы от этого будет не меньшим, да и злые языки, как известно, страшнее пистолета.

Раздумывая над тем, кому из богатырей стоило бы отдать кормило власти, я наметил для себя наиболее подходящего кандидата, но делиться своим мнением с вами, дорогие читатели, не буду: не хотелось бы оказывать давление на академиков. Хочу обратить ваше внимание на другое, на то, с чего начал, — на сложность ситуации, с которой придется столкнуться победившему богатырю.

Она ведь известно какая — тоже как в былинах: «Направо пойдешь — коня потеряешь, себя спасешь; налево пойдешь — себя потеряешь, коня спасешь; прямо пойдешь — и себя и коня потеряешь». Конечно, конь тот еще, как ни считай. Если по возрасту организации, то, почитай, почти триста лет — не конь, а живой скелет. Если же по возрасту членов Академии, то, конечно, не триста лет, но не многим веселее картина по человеческим меркам.

Поэтому, на обывательский взгляд, всё просто: возглавив Академию, коня нужно пускать под нож и жить дальше припеваючи. Однако быть всадником без коня — дело никак не достойное всадника и тем более богатыря. Личность историческая и великая, богатырского калибра, должна найти такой выход, который заурядному разуму неведом.

Какой — судить не нам, но уж точно предстоит богатырю идти дорогой не прямой, а какой-то и правой и левой одновременно. Где-то что-то от коня придется отщипнуть, где-то — от себя отречься, в общем, тут будет править бал высшая богатырская математика. Поэтому, каков бы ни был выбор академиков, катастрофической ошибки они не сделают: все кандидаты, пусть и в разной мере, в этой богатырской математике вполне поднатерели.

Ваш Иван Экономов

Пожилая женщина, страдающая деменцией. Эфиопия, 2012 год. (Wikimedia)

Бостонский университет, частота деменции снижается с 1977 по 2008 год примерно на 20% каждые 10 лет, но только среди людей, имеющих законченное среднее образование. И это при том, что в развитых странах стремительно растет число больных ожирением, которое влечет за собой гипертензию, диабет с сосудистыми осложнениями и повышенный уровень холестерина, а это всё факторы риска старческой деменции, которую провоцируют, в частности, атеросклероз и высокое давление. В Соединенных Штатах доля больных ожирением людей 65 лет и старше выросла с 23% в 1990 году до 35% в 2012-м, а распространенность диабета — с 9% до 21%.

Специалисты видят две основные причины этого феномена. Во-первых, сердечно-сосудистые заболевания стали лучше

НАУКА И ОБЩЕСТВО

Наука и 8 Марта

В качестве возможной ролевой модели для женщин-ученых назову доктора Розмэри Редфилд из Университета Британской Колумбии. Умная женщина с твердым характером, выдающийся микробиолог, строгий профессор, волосы красит в сиреневый или розовый цвет (на что решится не каждый профессор, а ей к лицу). Ведет блог о своих исследованиях [1], ироничный и увлекательный; кстати, о сети блогов о науке [2] стоило бы написать отдельно, интересное начинание. Доктор Редфилд в свое время решительно выступила против, цитирую, «антинаучных действий» издательского дома Elsevier (их огромных подписных цен и борьбы с бесплатным распространением научных публикаций). Но молекулярные биологи всех стран особо пристально следили за ее блогом в 2011–2012 годах, когда она повторяла сенсационные эксперименты Фелисы Вольф-Саймон, обнаружившей в калифорнийском озере бактерии с ДНК, в которой фосфор якобы заменен мышьяком, и опубликовала результаты в режиме реального времени. Сенсация предсказуемо сдулась: чище надо работать, констатировали доктор Редфилд с соавторами. Добавлю, что, когда «Химия и жизнь» попросила разрешения использовать материалы из ее блога, мы получили очень теплый ответ. [3]

Фото A. Downing (The Ubyssy)

Ну, за международную солидарность женщин — ученых, преподавателей и просветителей!

Елена Клещенко («Химия и жизнь»)

1. <http://rrresearch.fieldofscience.com/>
2. www.fieldofscience.com/
3. <http://hij.ru/read/issues/2012/march/677/>

ПРЕМИЯ «ПРОСВЕТИТЕЛЬ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ НОВЫЙ ЦИКЛ ЛЕКЦИЙ В МАММ

Премия Дмитрия Зимина «Просветитель» и Мультимедиа Арт Музей (Москва) запускают новый цикл научно-популярных лекций с участием номинантов, финалистов и лауреатов премии сезона 2016 года. **Тематика лекций разнообразна: польза от биотехнологий в современной жизни, история возникновения храмов, поведение животных, роль экономических институтов, тайны Африканского континента, эмоциональный мир человека прошлого. Стоимость единого билета (посещение музея и лекции) составляет 500 руб. Купить билет в музей заранее можно на сайте МАММ, выбрав нужную лекцию в разделе «События».**

14 марта в 19:00
Александр Панчин

Лекция «Игра в Бога. Перешла ли наука границу?»

Устранение генетических дефектов и улучшение человека. Спасение вымирающих видов и воскрешение вымерших. Изменение генетического кода и алфавита ДНК. Генная инженерия популяций и мутагенные цепные реакции. Синтетические хромосомы и избавление от генетического мусора. Клонирование человека и создание искусственной утробы. Продолжим ли мы играть в Бога, или пора его переиграть?

Александр Панчин — кандидат биологических наук, старший научный сотрудник ИППИ РАН. Лауреат премии «Просветитель»-2016 в номинации «Естественные и точные науки» за книгу «Сумма биотехнологии».

17 марта в 19:00
Борис Жуков

Лекция «Этология: анатомия нематериального»

Поведение человека — это внешнее проявление его психики, и мы всегда можем соотносить его с ней. А как изучать поведение животных? У нас нет средств узнать что-либо об их внутреннем мире. Но и попытки изучать их поведение методом «черного ящика» приводят в тупик. Как же быть? Выходом из этой неразрешимой ситуации стал подход, разработанный в 1930-х годах зоологами Конрадом Лоренцем и Николаасом Тинбергеном и получивший позже название этологии. За 80 лет своего существования этология добилась немалых успехов, став основой современных представлений о поведении животных и оказав сильное влияние на смежные дисциплины. Сегодня этологические модели находят свое подтверждение в работах нейробиологов. Но как быть с

теми формами поведения, для которых методы этологии не работают?

Борис Жуков — биолог, научный журналист, популяризатор науки. Финалист премии «Просветитель»-2016 в номинации «Естественные и точные науки» за книгу «Введение в поведение».

22 марта в 19:00
Александр Аузан

Лекция «Невидимые институты: социокультурная экономика»

Лекция исследует взаимное влияние процессов, происходящих в экономической и культурной сферах, и призвана доказать тезис эксперта о том, что культура важна для экономики не меньше, чем экономика для культуры.

Александр Аузан — доктор экономических наук, профессор, публицист, декан экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Финалист премии «Просветитель»-2016 в номинации «Гуманитарные науки» за книгу «Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь».

24 марта в 19:00
Кирилл Бабаев

Лекция с демонстрацией «Образ Африки в десяти артефактах»

Какие тайны скрывает Африканский континент? На лекции Африку можно будет не только услышать и увидеть, но и потрогать руками — ее история, культура и быт пройдут перед слушателями в виде десяти самых удивительных предметов, характеризующих весь шарующий магнетизм Черного континента.

Кирилл Бабаев — доктор филологических наук, лингвист, востоковед. Финалист премии «Просветитель»-2016 в номинации «Гуманитарные науки» за книгу «Что такое Африка».

ОТЗЫВЫ ЧИТАТЕЛЕЙ:

— ...Для меня огромным достоинством книги является то, что она «не похожа». Это как жил-жил и вдруг обнаружил еще один вектор, перпендикулярный всем ранее известным.

— Давно не читал таких светлых утопий, причем обстоятельно аргументированных.

— По жанру это смесь серьезной научной монографии, научно-популярной книги и, действительно, научно-фантастики. По настроению — крайне не пессимистично. Некоторые персонажи угадываются. Литературный уровень, по-моему, очень приличный.

— Поверив восторженным отзывам в Сети, скачал роман. Увы... разделить восторга не могу — произведение тянет на тройку с большим минусом максимум... Стиль школьного сочинения «Как я провел лето» и картонно-плакатные персонажи.

— Когда читал в метро, местами приходилось моргать, чтобы скрыть мокроту в глазах.

— Хорошо, грустно, но оптимистично.

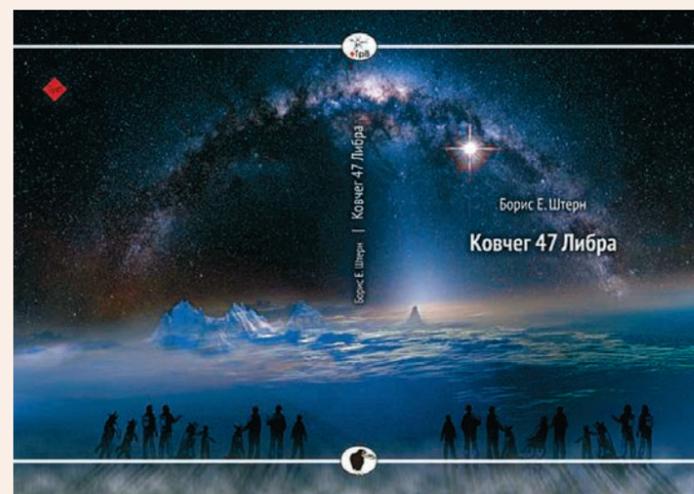
— В книге социальный пессимизм сочетается с философско-вселенским оптимизмом.

— Конец выбивается по стилю и несколько портит книгу.

— Особенно понравился конец книги — последняя глава. Очень духоподъемно!

— Я предпочел бы первую книгу этого автора. У нее не такой печальный финал.

Это все сказано про одну и ту же книгу **«Ковчег 47 Либра»**. Иногда разброс мнений говорит больше, чем сами мнения. В интернет-лавке Trv <http://trv-science.ru/shop/> можно приобрести все три возможные версии «Ковчега»: бумажную, электронную, аудио.

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ «ТРОИЦКИЙ ВАРИАНТ – НАУКА» (газета выходит раз в 2 недели)

Подписка осуществляется ТОЛЬКО через редакцию (с Почтой России на эту тему мы не сотрудничаем). Подписку можно оформить начиная с любого номера, но только до конца любого полугодия (до 1 июля 2017 года, до 1 января 2018 года и т. д.).

Начиная с 1 ноября стоимость подписки на год для частных лиц — 1200 руб., на полугодие — 600 руб., на другие временные отрезки — пропорционально количеству месяцев. Для организаций стоимость подписки на 10% выше. Приносим свои извинения за очередной виток инфляции.

Доставка газеты осуществляется по почте простой бандеролью. Подписавшись на 5 и более экземпляров, доставляемых на один адрес, вы сэкономите до 20%. Все газеты будут отправлены вам в одном конверте. Речь идет о доставке по России, за ее пределы доставка осуществляется по индивидуальным договоренностям. Но зарубежная подписка, как показывает практика, тоже возможна. Газеты в Великобританию, Германию, Израиль доходят за 3–4 недели.

Оплатить подписку можно:

1. Банковским переводом на наш счет в Сбербанке, заполнив квитанцию, имеющуюся на сайте (<http://trv-science.ru/subscribe>), или используя указанные там же реквизиты (Rekv-ANO-new.doc). Сам процесс перевода можно осуществить из любого банка, со своей банковской карты, используя системы интернет-банкинга.
2. Используя системы электронного перевода денег на счета: Яндекс-деньги — № 410011649625941, WebMoney — R274909864337.
3. Воспользовавшись услугами интернет-магазина Trv-Наука (<http://trv-science.ru/product/podpiska>).

Стоимость подписки через интернет-магазин немного выше, но некоторым подписчикам такая форма оплаты покажется более удобной.

Переведя деньги, необходимо сообщить об этом факте по адресам: miily@yandex.ru или podpiska@trvscience.ru. Кроме того, необходимо указать полные Ф.И.О. подписчика и его точный адрес с индексом. Мы будем очень благодарны, если к письму приложится скан квитанции или электронное извещение о переводе. Редакция старается извещать КАЖДОГО написавшего ей подписчика о факте заключения нашего неформального договора о сотрудничестве.

Высылать заполненный бланк подписки вместе с копией квитанции об оплате НЕ НАДО, особенно если получено электронное извещение об оформлении подписки. Но на всякий случай наш адрес: 108841, г. Москва, г. Троицк, м-н «В», д. 52, «Троицкий вариант — Наука» (подписка).

Для жителей Троицка действуют все схемы дистанционной подписки. Стоимость подписки — 800 руб. на год, 400 руб. на полгода. Для организаций Троицка стоимость подписки также на 10% выше.

Приглашаем тех, кто уже не может представить свою жизнь без актуальной информации о науке и образовании в России, подписаться на «Троицкий вариант — Наука»!

Учредитель, партнер и спонсор газеты «Троицкий вариант — Наука»

Издательство «Тривант»

- Печать книг и брошюр малыми тиражами (50–500 экз.) по заказу
- Оперативно издадим рабочие материалы конференций и семинаров, монографию, учебник и т.п.
- Оптимальное соотношение цена–качество

Тел. (495) 775-43-35, веб-адрес: www.trovant.ru, почта: vmf@trovant.ru

«Троицкий вариант»

Учредитель — ООО «Тривант»

Главный редактор — Б. Е. Штерн

Зам. главного редактора — Илья Мирмов, Михаил Гельфанд

Выпускающий редактор — Алексей Огнёв

Редакционный совет: М. Борисов, Н. Демина, А. Иванов,

А. Калиничев, А. Огнёв

Верстка — Татьяна Васильева. Корректура — Мария Янина

Адрес редакции и издательства: 142191, г. Москва, г. Троицк., м-н «В», д. 52; телефон: +7-910-432-3200 (с 10 до 18), e-mail: info@trvscience.ru, trv@trovant.ru, интернет-сайт: www.trv-science.ru.

Использование материалов газеты «Троицкий вариант» возможно только при указании ссылки на источник публикации. Газета зарегистрирована 19.09.2008 в Московском территориальном управлении Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций ПИ № ФС77-33719.

Тираж 5000 экз. Подписано в печать 13.03.2017, по графику 16.00, фактически — 16.00.

Отпечатано в типографии ООО «ВМГ-Принт». 127247, г. Москва, Дмитровское шоссе, д. 100.

Заказ №

© «Троицкий вариант»